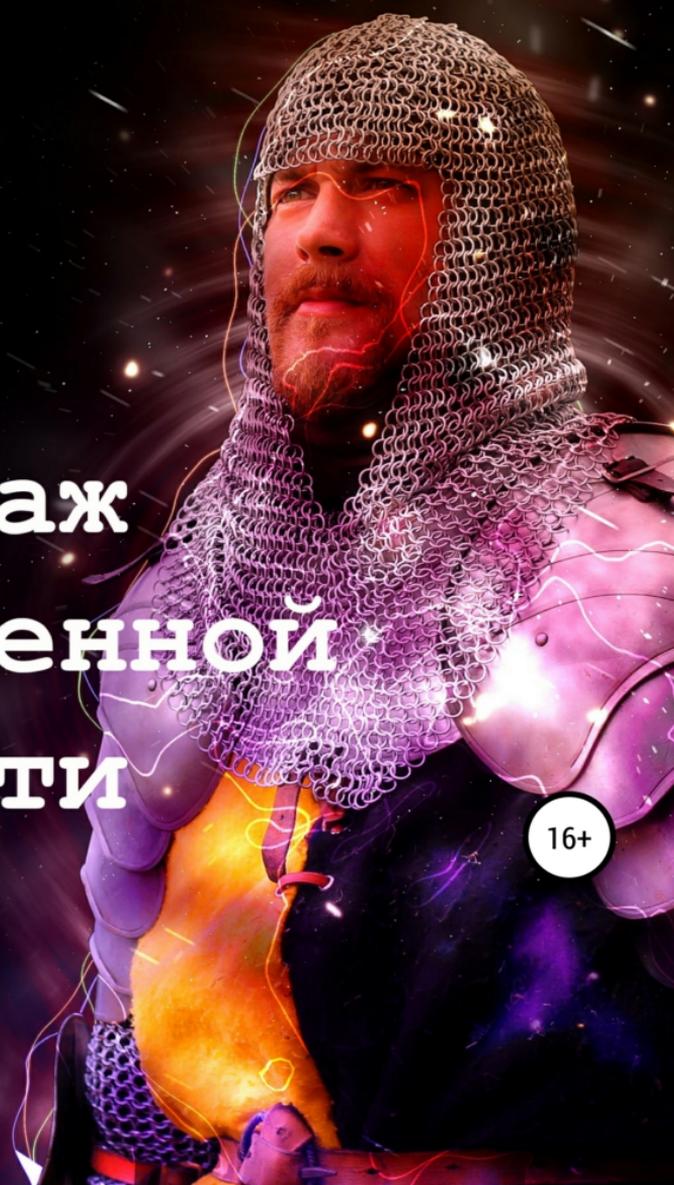

Ирина Ваганова

Страж
Огненной
пасти

16+

Ирина Ваганова

Страж Огненной пасти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39828621

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-11000-7

Аннотация

Совсем недавно королевского сына Фатлина Рааша огорчало лишь недоверие отца – стража магического портала. Мало приятного в том, что заключение союза с любимой девушкой отложено из-за мнительности родителя. Прежние горести показались мелочью, когда преступный колдун поместил Фатлина в чужое тело. Теперь юноша – не жених прекрасной принцессы, не наследник стража Огненной пасти, а бродячий самозванец. Бороться за своё имя, честь и любовь ему помогают лишь глупая немая девчонка, сердобольная крестьянка и королевский ратник. Замысел коварного врага несёт бедствия не только королевской семье, Фатлину предстоит это осознать.

Содержание

1. Недоверие стража	4
2. Визит колдуна	13
3. Сон колдуна	22
4. Письма	25
5. Случайное счастье Маулии	31
6. Возвращение и новая дорога	39
7. Нападение на принца	56
8. Ведьма	60
9. Принц в доме ведьмы	64
10. Возвращение жениха	73
11. В покоях принца	78
12. Простые заботы колдуна	85
13. Чужой облик	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ирина Ваганова

Страж Огненной пасти

1. Недоверие стража

Принц Тассии Фатлин и его друг Томеш сидели в кабинете за шахматным столом. Положение фигур на доске ни одному из соперников не обещало скорой победы. Принц время от времени проводил ладонью по русым коротко стриженным волосам и морщил лоб.

– Пока думаешь, твоё высочество, выспаться можно. – Томеш тёр горбинку тонкого носа и переносицу, где срослись светлые брови.

Сам он делал ходы, доверяя интуиции и первому впечатлению. Впрочем, времени, чтобы предположить, как будет действовать принц и чем это грозит чёрной армии, было достаточно.

Сквозняк гулял по комнатам, играя пламенем свечей. Шахматные фигуры отбрасывали на доску длинные тени, которые шевелились, создавая впечатление неровного танца.

– Поневоле пожалеешь о самоходных – мигом перескакивали, – сетовал Томеш.

– Не припомню, чтобы ты выигрывал в самоходные шахматы, – ядовито заметил Фатлин.

– Я был ребёнком! Потом, наставник нарочно подсовывал мне соперника высокого уровня, тогда как тебе...

– Шах! – принц передвинул белого ферзя и с торжествующим видом потёр ладони.

Томеш загородил чёрного короля конём и потянулся. Фатлин после недолгого раздумья поставил слона на поле, которое бьёт конь противника. Томеш взялся за фигуру, но сообразил, что её нельзя убрать.

– Хорошо, что король Юстин Рааш не так беззащитен, как эта деревяшка! Твой отец не стал бы прятаться, а вступил в бой.

– Ходи, – нахмурился Фатлин.

– Да-а. Многих полезных вещей мы лишились, как его величество перекрыл источник магической силы.

Товарищ нарочно затеял разговор на спорную тему, чтобы отвлечь принца от игры.

– И это говорит тот, кому едва исполнилось девятнадцать, когда страж Огненной пасти посвятил в рыцари! Та-ак.

– А что? Я не колдун, лишь скучаю по некоторым удобствам.

– Ха-ха, представляю, каким бы магом ты стал, обладая способностями! Вот так. Мат!

– Вроде советника Липы? – Томеш затрясся от смеха.

– Не знаю, каков он был советник, но колдовал из рук вон плохо.

– Ага! Помнишь булыжник, который чуть не проломил

ему стол, когда бедняга хотел получить булку к чаю? – Томеш укладывал фигуры в ящик и провожал взглядом товарища, прохаживающегося по кабинету. – Или петух! Помнишь петуха?

– Гонял Липу по комнате и норовил клюнуть в мягкое место!

– Раза три клюнул! Точно!

Томеш согнулся и хохотал, не в силах остановиться. Принц упёрся в стол руками, тряс головой и тоже смеялся.

– Представляю, что бы сделал Липа, знай он, что мы подглядываем! В червяков превратил бы!

Том досмеялся до икоты и с трудом выговорил:

– Да если б задумал в червяков, получил бы яичницу или яблоки!

– Так-так! И слопал, не морщась! – Фатлин посерьёзnel и ровным голосом заключил: – Остался бы отец без наследника. Вот радость!

– Пойдём, высочество, кататься, пока дождь не ливанул.

Принц посмотрел на серый клочок неба за окном.

– Давай развеемся.

Пока шли по коридорам замка, Томеш нахваливал любимого коня Фатлина – серебристого Динара, надеясь, что беспроегрышная тема отвлечёт его высочество от мыслей, на которые тот натолкнулся в шутовском разговоре. Принц изредка кивал, подтверждая, что всё слышит. Балагурить у него настроения не было, а вот за попытки растормошить

был признателен.

Выехав за ворота, привычно направили коней по дороге к предгорьям. Сотни лет там звенели колокола, шумел ярмарочными площадями, сверкал полуночными фейерверками город Цитта-Раш. Друзья хорошо помнили, как их – семилетних мальчишек – влѣк сказочный мир столицы. Жизнь в крепости казалась унылой и невзрачной в сравнении с вечным праздником, бушующим неподалѣку от источника магической энергии. Здесь мало-мальски одарѣнный колдун творил чудеса, ограниченные лишь его фантазией. К сожалению, бывать там доводилось не часто, опасностей для обычного человека на улицах Цитта-Раша хватало. Королю едва ли не каждый день приходилось разбирать дела «О превращении недоброжелателя в крысу» или «О растворении нелюбимой жены в корыте для купания». А сколько неумѣх колдовало во вред не только окружающим, но и самим себе!

Жаль разрушенных великолепных палат первых магов королевства, лабиринта манящих улочек и благоухания вечно цветущих парков, но именно здесь состоялась главная битва. Теперь ничего не напоминало о столице. Юстин Рааш не пожелал ни воссоздавать город на пожарище, ни возводить его в другом месте. Время рассыпало руины в пыль – без подпитки созданные волшебством им же покалеченные здания исчезали быстрее обычных. Обожжѣнная земля за десять лет восстановилась, дала жизнь тщедушной траве, вездесущему мху, наглому бурьяну.

Фатлин оглядел из-под ладони пустошь и заговорил.

– Я бы понял отца, если б ему грозило что-то. Годы спокойной жизни, почему он так подозрителен?

– Не выдумывай. Ты сам подозрителен.

– А отсрочка свадьбы? Выбрал мне невесту, отправил в Ниатию знакомиться, и на тебе! Пять лет жди.

– К чему спешить? – посмеивался Томеш. – Маулия мила, воспитана... кхм... даже, кажется, умна, но среди тех невест, что претендовали на твоё сердце...

– Причём тут это, Ясноглазый? – Фатлин ударил пятками коня и склонился к его шее.

Послушный скакун взял с места, унося принца, за плечами юноши хлопал могучими крыльями плащ. Том не стал догонять – тягаться с Динаром его коню было не по силам.

– Тосковал бы о принцессе с Южных островов. Вот та – да! Смуглая брюнетка с миндальным разрезом глаз и томным взором. Да я, будь такая возможность, облобызал бы её портрет!

Томеша не заботило, что принц не слышал доводов. Несмотря на многолетнее отсутствие голосовой связи – когда-то люди при помощи нехитрого магического устройства переговаривались на расстоянии – привычка во всеуслышание спорить с далёким оппонентом оставалась у многих.

– А Маулия? Разве может сравниться щекастая ниатианская принцесса с южанкой? И рыженькая северянка дала бы сто очков вперёд! И кроме этих были прехорошенькие, взять

хоть...

Сыпанул мелкий дождь. Всадник задрал голову, безуспешно поискал просвет в тучах, затем повернул коня к замку, говоря:

– У меня, твоё высочество, нет желания мокнуть. Кое-кому, может, и надо остудить разгорячённую гордыню...

Спустя мгновение за спиной послышался стук подков – принц возвращался. Томеш хлестнул рысака, надеясь при такой форе посоревноваться с другом.

* * *

После прогулки Фатлину пришлось наскоро сушиться, чтобы предстать перед отцом. В королевском кабинете Юстин Рааш прохаживался, недовольно поглядывая на сына и не начиная беседы. Выпавшие на долю стража Огненной пасти испытания не сделали его стариком. В свои сорок два его величество мог поспорить с молодыми в ловкости и владении оружием. Именно ощущение собственной значимости и силы мешало королю полностью доверять наследнику, будто бы, перекладывая на сына часть забот, он принизит свою роль. Юстин поддался уговорам супруги и пригласил принца, чтобы поделиться сомнениями, которые мучили его после поездки к порталу в пещере Огненная пасть. Однако, увидев умытое прохладным дождём лицо его высочества и равнодушный, едва ли не скучающий взгляд, Юстин отвлёк-

ся от первоначальной темы:

– Считаешь, у меня мало забот?

Фатлин, щурясь, смотрел в сторону узкого окна, где играли алые отсветы заката.

– Что за недовольство?! Тысячу раз объяснил, почему обязательно надо отложить свадьбу. Опять эти жалобы! – продолжил отчитывать юношу король.

– Можно подумать, отец, что у меня в голове следящий кристалл, который ты читаешь на ночь.

– Дурацкая шутка!

Его высочество невесело улыбнулся. Отец принял выражение его лица за насмешку и всё больше распался.

– Тебе известно, что печать сочится энергией?

– Всем известно, – дёрнул плечом Фатлин.

Король упал в стоявшее у стены кресло и потёр локоть левой руки – зудела старая, нанесённая намагиченной саблей рана.

– Хочешь сказать, – повысил голос Юстин, – наследника стража Огненной пасти не беспокоит утечка силы через портал?

– Так она гаснет в Хилом лесу!

Король с остервенением тёр локоть. Он и сам не объяснил бы, почему сердился на сына, тот всего лишь разделял общее мнение: Огненная пасть заперта, и тому, что сила понемногу подтекает, не стоит удивляться, если помнить, как непредсказуемо вела себя магия в пору её безраздельного господ-

ства в мире. Едва заметный сквознячок из иных миров – всего лишь каприз взбалмошной красотки, который стоит потерпеть, лишь бы она не превратила жизнь возлюбленного в кошмар.

– Нет, Фатлин, с этим надо покончить раз и навсегда, – чуть успокоившись, заговорил король, – и тебе, как моему преемнику, это следует понимать лучше, чем другим. Ещё: прекрати вести глупые разговоры с Томом. Эти ваши диспуты...

– А я-то о следящем кристалле! Да нас банально подслушивают! – Широкое лицо принца залил румянец. – Не ожидал, отец...

Юстин прервал пылкую речь нетерпеливым жестом:

– Ещё раз твой дружок затянет песенку о прежних временах, отправлю в отцовский замок. Обязательно! Не уверен, что родня встретит Томеша восторгами.

Фатлин сжал кулаки, поклонился и выскочил из кабинета.

Попадись на пути Ясноглазый, тому пришлось бы выслушивать упрёки. И так с отцом после помолвки взаимопонимания нет, а тут ещё болтовня Тома подбрасывает хвороста в огонь. Принц пронёсся по коридорам и перевёл дух только у себя, выйдя на балкон.

С неба лились потоки, искажающие вид площади, крепостной стены, башен. Навес защищал от ливня, но брызги, отскакивая от каменных перил, летели в лицо, остужая распалённого обидой юношу и напоминая о тихой невесте, один

взгляд которой утешил бы, смягчил, наполнил душу нежностью.

– Маулия, девочка моя... – шептал принц, надеясь, что тучи впитают его зов и прольются дождём на замок Антала Патти, сообщая любимой тоску скучающего сердца.

Тучи шли с запада и несли из Ниатии вовсе не приветы невесты.

2. Визит колдуна

Вот уже три дня ливень хлестал так, точно в небесах развалилась бочка с годовым запасом воды. Дороги в Ниатии сделали на совесть, иначе карета давно увязла бы на полколеса. Шум потоков мешал разговору, путники молчали. Это были двое мужчин: хмурые, небритые, измученные – месячное путешествие кого угодно сделает таковым. Регнер неотрывно смотрел в сумрак, где угадывался силуэт господина, Хаген Хорас дремал.

Трактир покинули утром и надеялись к вечеру добраться до замка родственников Хораса. Покойная жена Хагена приходилась кузиной её величеству Маршуте – королеве Ниатии.

Солнце ушло на покой, ни разу за целый день не пригрев скучную пустынную дорогу. Мало что можно было разглядеть сквозь залитое водой стекло, однако чувствовалось: возница правил по центру, не съезжая в сторону, значит, навстречу не попадаются ни экипажи, ни крестьянские телеги.

Ровный, постепенно стихающий шум ливня прорезал удар грома. Небо осветила золотая вспышка. Лошади шарахнулись, карета съехала на обочину и чуть не завалилась. Встали – колесо увязло. Послышались крики – кучер и двое верховых чертыхались, проклиная погоду. Хаген приоткрыл дверь, выглянул:

– Что там?

– Сейчас, господин. Быстренько поправим и тронемся.

Недалеко уже!

Карета покачнулась, поддаваясь усилиям мокнущих снаружи людей. Хаген захлопнул дверцу:

– Ну и весна нынче, осень позавидует такой слякоти.

Регнеру хотелось в тепло, к огню. Перед глазами носились картины: залитый солнцем песчаный берег, который они не так давно покинули, бесконечно чистое небо, режущие глаз блики на бирюзовой глади моря...

– Что это ты размечтался? – Хорас, привлекая внимание, щёлкнул пальцами.

– Замёрз.

– Иди, помоги мужикам – согреешься.

Регнер набросил на голову капюшон и выбрался из кареты.

Тучи потеснились, хвастая ослепительно-блестящей монетой луны. Впереди, как из чёрной шляпы факира, возникли башни с острыми крышами – замок Антала Патти.

Звон подков по камням дороги сменился дробью по доскам подъёмного моста. Гостей ждали: ворота открыли, подняли решётку, на внутреннем дворе вытянулась шеренга факельщиков. Отсветы трескучего пламени метались по карете. Хораса теперь можно было разглядеть: прямые седые волосы свисали до пояса, лицо напряжено, глаза прищурены, как это бывало накануне важных событий. Хаген повёл плечами,

сцепил пальцы и вытянул руки вперёд, развернув ладони наружу. Когда он так делал, особенно бросалось в глаза отсутствие мизинцев на обеих руках – примета магического прошлого. Потянувшись, Хорас будто бы самому себе сказал:

– За работу. – Оттолкнул Регнера – тот хотел взять с дивана пустую клетку: – Я сам.

В столовой, куда гостя провели, как только он скинул плащ, ожидало семейство Патти: все, кроме наследника – тот уехал в университет. Сорокалетняя королева из-за полноты, разглаживающей морщины, выглядела не многим старше юной дочери. Антал ещё не достиг пятидесяти, но рядом с дамами казался стариком. Ответив лёгким кивком на поклоны Хагена, король широким жестом обвёл кушанья, теснящиеся на столе.

– Мы не ужинали, дорогой свояк, ждали тебя. – Когда расселись, его величество продолжил: – Хорошо, ворона прислал. В такую погоду сонливость одолевает, улеглись бы, пожалуй.

– Где она?

– Кто?

– Птица.

– В покоях, которые приготовили для тебя.

– Пусть отнесут туда, – указал на клетку Хаген.

Он сполоснул руки в пузатой фарфоровой чаше, на которой позолоченной пряжкой сверкал герб династии – щит на фоне королевской мантии. Такие же рисунки, чуть мельче и

без позолоты, виднелись на тарелках и блюдах. Демонстрацию гербового сервиза Хорас воспринял как напоминание, в чьём доме гостит. В прошлом хозяин замка вёл себя скромнее.

Некоторое время ели молча. Путник проголодался в дороге, хозяйева тоже с обеда ничем себя не баловали. Когда подали сладкое, колдун обратился к принцессе:

– Почему ты ещё здесь, Маулия?

Девушка замерла, не донеся ложку взбитых сливок до рта. За принцессу ответил отец:

– Хаген, я сообщал письмом, что помолвка прошла безукоризненно, однако будущий свёкор отодвинул свадьбу на пять лет.

– Пять лет?! – Колдун едва не подавился. – Какого...

Хотел выругаться, но сдержался. Королева увидела, что смущает гостя, и обратилась к мужу:

– Ваше величество, позволь нам с дочерью прервать трапезу. Уже поздно, пора вознести молитвы...

Король не дал жене договорить:

– Идите.

Её величество Маршута и её высочество Маулия, шурша многослойными юбками, выбрались из-за стола. Теперь Хагену ничего не мешало излить гнев на проштрафившегося родственника.

– Антал! Как понимать? Я трачу все деньги на запас магической силы, мчусь сюда по мерзкой погоде, а ты сообщаемшь

о пяти годах! Кто хвастал, что день свадьбы назначен?

– Назначен. – Король пощипывал мясистый подбородок. – Свадьба состоится в начале осени, но через пять лет. Я, кажется, в письме...

– Кажется ему! – Хаген резко встал, стул с грохотом опрокинулся. – Ты получил мой ответ? Не соглашаться на условия Рааша!

– Дорогой свояк, чем недоволен? Мою дочь выбрали из двух десятков принцесс...

– Напомнить, почему выбрали Маулию? – Колдун остановился за спиной короля, отчего тот заёрзал, ища удобное положение.

– Средство твоё подействовало безотказно. Юстин Рааш вцепился в портрет моей девочки, будто сам собирался жениться.

– А Фатлин? – Хаген уселся рядом.

Гроза миновала. Антал перевёл дух.

– Посланцы говорили о короле и королеве, принц отсутствовал.

– Он видел портрет? Покрытие со временем выветрится.

– Какое это имеет значение! Его высочество Фатлин приехал к нам, помолвка состоялась. Видел принц волшебный портрет или не видел – не важно. Он наверняка полюбит Маулечку, когда узнает короче.

– Да. Ты прав. Ровным счётом никакого значения.

Хаген навалился на спинку кресла и стал пощёлкивать

пальцами. Антал уставился на четырёхпалую руку.

– Ровным счётом никакого значения, – повторил колдун и добавил: – но ждать не будем. Ни малейших отсрочек. Завтра невеста поедет в Тассию, я буду сопровождать.

– К чему суета? Хаген, всё так удачно складывается...

– Не могу ждать, у меня запас магической силы на год в лучшем случае!

– Э-э-э... Ты можешь вернуться на острова и купить ещё. Я дам денег.

– Не говори, чего не знаешь. – Колдун сердито дёрнул головой. – Тайный портал в жерле вулкана. Контрабандисты рискуют жизнью, добывая силу. Её не так много, а желающих купить предостаточно. Нужно распечатать Огненную пасть, а не полагаться на случайные поставки.

– Если Рааш узнает о твоих намерениях... м-м-м... Осторожность не помешает.

– Как узнает? – Хаген повернулся и пристально посмотрел в глаза королю. – Как это он узнает?

– Я не так выразился. Если вы столкнётесь около Огненной пасти, тебе несдобровать. У стража преимущество.

– Послушай меня, Антал, тебя вообще не касаются эти дела. Ведь так мы условились? Если бы мою дочь не украли младенцем, твоя помощь вообще бы не потребовалась.

– Нет-нет, ты не понял. Я не вникаю и не лезу, и не... Не хочется спешить, вдруг Раашу не понравится навязчивость невесты. Ты мог бы подождать...

– Надоела бесцветная жизнь! Маг, лишённый магической силы, это... карлик, младенец, слепо-глухо-немой калека. Мучаюсь десять лет. Десять! А ты предлагаешь терпеть это унижение ещё пять.

– Ну... Ты сам не пожелал уходить вместе с другими из нашего мира.

– Быть средним среди могущественных магов ничуть не лучше, чем бессильным колдуном среди обыкновенных людей. – Колдун перевёл взгляд на сжатые кулаки, которыми произвольно давил на столешницу, отпустил напряжение и закончил разговор: – Ладно. Пойду спать. – У выхода Хаген обернулся к семящему за ним королю и спросил: – Никому не говорил о моих замыслах?

– Как можно! Я рискую не меньше, покрывая тебя. – Антал коснулся спины свояка. – Ты доверяешь... этому...

– Регнеру? Безусловно. Он, считай, я сам.

– Читаешь парня, как открытую книгу и прочее, но ведь придётся экономить силу.

– Да. Придётся.

– Вдруг он догадается, что следящий кристалл не работает, и научится скрывать мысли?

– Человек, который под страхом смерти отвыкал думать, уже не способен на это.

Колдун скривил губы, изобразив подобие улыбки. Как всё-таки мелки люди, не испытавшие могущества!

В гостевых покоях было прохладно – протопили плохо. Хаген отослал Регнера, зашёл в просторную комнату со сводчатым потолком. Камин в дальнем углу манил жаром и светом. Колдун, пододвигая ближе к огню низкое кресло с изогнутыми подлокотниками, заметил на каминной полке бутылку вина и бокал.

– Дорогая, ты будешь? – спросил Хорас в пустоту и огляделся. Клетка с приоткрытой дверцей стояла на тумбе около окна. Птица вышла, развернула крылья, покрасовалась и перелетела на камин. Хаген кивнул: – Сейчас.

Налил в бокал один глоток, сыпанул туда серого порошка из припрятанной в потайном кармане коробочки, взболтал и, прищурив один глаз, изучил рубиновую жидкость. Когда убедился, что вино остаётся чистым, выплеснул в огонь.

– Надо же, не отравлено, – едко хохотнул, наливая себе. – Твоё здоровье, милая!

Ворон прошёлся направо, потом налево, остановился и раскрыл клюв. Хаген сцедил в чёрную пустоту, стараясь попасть на узкий язык, оставшиеся капли, погладил перья и произнёс торжественно:

– Скоро, уже скоро. Я обещаю.

Наполнил бокал ещё раз, уселся в кресло и пристроил ноги на кованую – в пару чёрной решётке камина – скамью.

Ворон перелетел на плечо хозяина.

– Чудесное, – сообщил Хаген. – Свояк, холера его забери, знает, как сгладить дрянное впечатление. – Посмаковал. После долгой паузы спросил: – Как тебе замок? Всё осмотрела? Ах, ну да... мы с тобой были здесь шестнадцать лет назад. Даже семнадцать. По-моему, они сменили мебель. Не знаю как тебе, мне прежняя нравилась больше. Хотя это кресло хорошее – очень удобно.

Хорас чуть сполз по сиденью, уложил затылок на обитый мягкой тканью край спинки. Длинноволосый седой парик, покрывающий лысую голову, съехал на лоб. Ворон тяжело толкнул плечо мужчины и взлетел. Когтистая лапа подцепила парик, отчего тот перекосялся ещё больше.

– Шалунья, – пробормотал колдун, засыпая.

3. Сон колдуна

Во сне Хаген продолжил спор с его величеством Анталом. Свояк подзадоривал, высказывая новые и новые доводы. Когда вокруг нет ни одного мага, жить обыкновенному человеку не так уж и плохо. А коли не представляешь ни дня без чародейства, надо было по окончании войны воспользоваться порталом в другой мир.

Нет! Нет! Хаген не мог уйти! Он должен разыскать дочь! Нельзя её бросать! Открыть портал, выпустить магию, найти дочь, вернуть жену – так ли много он хочет?

Патти подозревает свояка в попытке подчинить себе этот мир, поэтому и помогает – рассчитывает на будущего первого мага. Смешно отрицать. Страж Огненной пасти – самый могущественный правитель и сейчас. Что будет, когда он сможет торговать магической силой? Не так, как это делают контрабандисты, а на законных основаниях и неограниченно.

Хаген блаженно улыбался, видя себя в тронном зале. Перед ним склонились правители всех государств, рядом сидела жена, позади трона стояла дочь. Какая она? Наверняка стала высокой, статной девушкой, светлой и мягкой, как утреннее солнышко. Сколько ей исполнилось? Семнадцать. Как ей живётся? Кто рядом с ней?

Антал! Девочке уже семнадцать! Через пять лет ей будет

двадцать два года. Сколько времени потребуют поиски после того, как доступ к источнику силы откроется? Год? Два? Нет, Антал, нельзя ждать! Дочь спросит: «Почему так долго, папа? Где ты пропадал?»

* * *

Страшное событие повторялось во сне каждую ночь.

Войну ещё не начали, но запах её носился в воздухе, как навязчивый дым торфяного пожара. Тридцатитрёхлетний маг Хаген Хорас и его жена отправились в столицу, чтобы получить благословение на роды. Сам Хаген скакал верхом. В карете ехали женщины – супругу Хораса сопровождала её родная сестра. Роженица стремилась получить поддержку первого мага, это огорчало Хагена. Конечно, он уступал в силе многим, но рождение собственного ребёнка благословил бы не хуже столичных гордецов. Охрану не взяли – дорога не дальняя, надеялись добраться в полдень, нанимать верзил только для того, чтобы те скакали рядом и отпускали сальные шуточки, Хорас не захотел.

От жары или тряски жена с трудом переносила дорогу. Свояченица кричала Хорасу, требуя остановиться, несчастной сестре нужен отдых. Остановиться? Если бы послушал, всё окончилось бы так же плохо. Он должен был развернуть карету, ехать домой. Теперь понимал: надо было сидеть дома, а не потакать женским капризам.

Бандиты не сообразили, что путник в широкополой шляпе – маг, ведь из-за жары Хорас заколол длинные волосы в пучок. Трое напали со спины, выбили из седла, двое остановили лошадей и расправились с кучером, четверо вытаскивали из кареты истошно вопящих женщин. Был ещё один, который держался в тени, именно он позже украл ребёнка.

Хорас сражался, как дикий дракон. Те, что были рядом, упали за смертью, двое поодаль, успели закричать: «Четырёхпалый!» В следующий миг их тела оказались на земле. Один из грабителей умудрился ранить Хораса. Не обращая внимания на кровоточащую рану, колдун преследовал врагов. Четверо мелькали между деревьями, петляя, уворачивались от магических стрел. Из кареты доносились крики – жена рожала.

Полчаса потребовалось Хагену, чтобы расправиться с удиравшими бугаями. Когда вернулся к дороге, увидел залитую кровью карету, а в ней умирающую супругу.

– Человек... – шептала она, едва шевеля искусанными губами, – человек увёл сестру. У него наша девочка. Найди дочь, умоляю.

Это были последние слова Эдды.

4. Письма

Колдун не помнил, как слуга помог раздеться и перейти в спальню, но проснулся в мягкой постели. С удовольствием нежился под одеялом из лебяжьего пуха. Новое утро ни в какое сравнение не шло с тремя десятками прежних, когда ночевали в каюте корабля среди вонючих спутников или в трактире на заселённом армией клопов тюфяке.

В комнате едва помещались широкая кровать, две прикроватные тумбы, комод и туалетный столик. Именно здесь они с Эддой гостили незадолго до её гибели, и Хорас по утрам любовался, как жена сидит перед зеркалом и расчёсывает пышные медного цвета волосы. Зеркало в белой раме в виде арфы то же самое, а вот столик рядом другой, хотя и подобран в цвет. Где прежний? Колдун приподнялся на локте и осмотрелся. Показалось, что ноздри улавливают сладковатый букет любимых духов Эдды. Сердце сковала тоска. Много времени прошло, много.

Стылый воздух пробрался под одеяло, Хаген снова лёг и крикнул:

– Регнер, холера тебя забери! Почему до сих пор не затопил?

Слуга, будто караулил под дверью, вошёл с охапкой одинаковых полешек. Вскоре в камине затанцевали языки пламени. Огонь уютно потрескивал. Немного погода станет теп-

лее.

– Что там снаружи?

– Солнечно. Сыро. К полудню высохнет. – Регнер возвышался бесстрастным изваянием и говорил блёклым голосом. – Завтрак сюда прикажете или в гостиную?

– Птицу покормил?

– Просилась полетать.

– Пусть. Мне чего-нибудь горячего организуй. Сейчас встану.

Раб вышел. Хаген потянулся с шумным вдохом. Выбраться из-под одеяла не хотелось, но не для того он преодолел полмира, чтобы валяться в кровати.

Завтрак испортили известием об отъезде королевы и принцессы. Не к Раашам, как требовал колдун, а в университетский город Вестленд навещать принца. Хаген сразу после трапезы прошёл в кабинет его величества и застал Антала за складыванием журавлей из бумаги.

Король слушал яростную речь свояка, потирая нос и пощипывая подбородок. Колдун шагал вдоль стола, хватал и сминал королевские поделки и говорил... говорил. Когда выдохся и сел в кресло, его величество слащаво улыбнулся и негромко, но чётко сказал:

– Не надо кричать. Твоё нетерпение объяснимо, однако тоже пойми – брак с наследником стража Огненной пасти слишком важен для нас, мы не станем рисковать благоволением Юстина Рааша.

– Хотя бы знаешь, почему он медлит? – на удивление спокойно спросил Хаген.

– Тебе известно не хуже, чем остальным: по закону стражем Огненной пасти может стать только тот, у кого есть сын.

– Не слышал об этом. Какая глупость!

– Почему глупость? – Антал взял одну из смятых бумажных птиц и принялся разглаживать. – Страж должен иметь наследника. В противном случае после его смерти начнётся борьба, а Огненную пасть нельзя оставлять без присмотра даже на день.

– То есть бездетный Фатлин не станет стражем?

– Только если к тому времени Маулия родит мальчика.

– Вот холера! – Хорас откинулся на спинку кресла, излюбленным жестом соединил пальцы рук между собой, опираясь на подлокотники. – Что же там у них происходит?

– Чужой дом – чужие тайны, дорогой свояк. Всё, что я могу – ждать. Осторожность никогда не помешает.

– Значит, случись несчастье сейчас, стражем будет не Фатлин, а кто-то другой? – Колдун не обратил внимания на слова Антала.

– Кузен Юстина почти старик, его никто всерьёз не воспринимает. Почему тебя это волнует? Страж в силах, ему чуть больше сорока.

– Ладно! – Хорас ударил ладонями колени и поднялся. – Надолго ты отослал дочь?

– На неделю. Пойми, Хаген, это не из-за... – снова начал

теревить подбородок Антал, – ...они давно собирались...

Колдун, не дослушав, пошёл к выходу и бросил на прощанье:

– Уеду сегодня.

Король не успел ответить – дверь захлопнулась.

Хорас предполагал проникнуть в замок Рааша как дядюшка невестки, но Маулия туда не собирается, значит, надо ускорить события. С прежним планом расставался скрепя сердце, ведь продумал всё красиво, с фантазией. Колдун нежно погладил спрятанный на груди листок из украденной у главного мага книги. В те времена использование заклинания, подчиняющего чужую волю, каралось смертью. Но теперь кто Хагену указ?

Рааши доверяли бы родственнику. С помощью запретного заклинания не составило бы труда превратить Юстина в послушную марионетку. Запаса привезённой с Южных островов магической силы хватило бы недели на две – срок вполне достаточный, чтобы распечатать Огненную пасть, а там... Получив доступ к порталу, колдун сумеет подчинить не только стража, но и гвардию! Да что мелочиться! Станет полным хозяином освобождённой энергии!

Людишки! О чем они думали, изгоняя волшебников? Вместе с ними ушли правила и ограничения, которые как система противовесов действовала в мире, населённом сотней могущественных колдунов. Кто сумеет противостоять единственному, ничем не ограниченному, путь и не слыш-

ком умелому магу? Хорас неизбежно станет властелином не только Тассии – всех земель.

Хаген раздражённо щёлкнул пальцами – из-за глупых причуд стража Огненной пасти придётся действовать иначе. Прощёл к себе и принялся за письма. Если умело сочинить, всё пойдёт как надо. За работой просидел до обеда. Покончив с писаниной, колдун положил перед собой листы, ещё раз перечитал и приступил к волшебству.

Для начала извлёк из дорожного сундука склянку с плотной пробкой и кисточку – их он ещё до войны выменял у мага Иллюзора на определитель ядов, который изготавливал сам. Хаген поглядел на свет – жидкости осталось чуть меньше половины. Надо расходовать бережливо.

Откупорил, вдохнул горьковатый запах, напоминающий пережаренный миндаль, обмакнул кисть и сбрызнул сначала одно послание, произнося имя его высочества Фатлина Рааша, потом другое с именем её высочества Маулии Патти. Листы намокли с едва слышным шипением, слова расплылись, но через минуту снова возникли, только почерк изменился: в письме, обращённом к принцессе от имени жениха, буквы были написаны слитно, с небольшим наклоном, а в том, где подпись невесты, каждая круглая буковка красовалась отдельно.

– Спасибо, Иллюзор, – пробормотал Хаген, – надеюсь, мой порошок тоже тебе помогает.

Теперь сургуч. На него средства ушло чуть больше. Кол-

дун полюбовался свитками, скреплёнными печатями Фатлина и Маулии, запаковал их в изысканные чехлы и кликнул Регнера.

5. Случайное счастье Маулии

Поездка в Вестленд не радовала принцессу. Брат всегда подшучивал над ней и особенно невыносимым стал, когда поступил в университет. Антал младший вполне мог обучаться дома, но предпочёл помимо наук осваивать разнообразные стороны жизни.

Маулия подозревала, что братец в своём желании вырваться из-под родительской опеки воспользовался тайными услугами какой-нибудь ведьмы. Принцесса промолчала о своих догадках, надеясь на спокойную жизнь, когда не находишь в постели подброшенных лягушек, в тазу для умывания дохлых мышей, а в шкафах – облитых зловонной жидкостью нарядов. Девушка могла безмятежно существовать месяц или два, но брат, поиздержавшись, навещал родителей, и за те три дня, пока гостил в замке, устраивал сестрице полугодовой набор сюрпризов. Особенно изощрённо принц шутил, когда приезжал с приятелями – те не скупились на новые идеи.

Маулия благодарила судьбу за то, что жених не походил на брата. Неделю, которую Фатлин провёл в замке Патти до помолвки, наполнял взаимный интерес юноши и девушки. Пусть Рааш не метал на невесту страстных взглядов, на которые та тайне надеялась, но зато и не острил на её счёт, чего она побаивалась. Больше того: когда Антал младший в при-

сутствии жениха назвал принцессу Грушей, Фатлин сказал:
– Не думал, что знакомство с шурином придётся начинать с поединка.

Тон жениха не позволял усомниться в намерениях, и его высочество Патти, наслышанный о боевом мастерстве Рааша, постарался загладить вину:

– Прошу прощения и у тебя, Фатлин, и у сестрёнки, если ты так хочешь. Это семейные игры. Она не обижается...

– Маулия – будущая королева Тассии. Советую забыть неуместные... м-м-м... семейные игры.

Грушей братец дразнил Маулию за фигуру. Девушка отличалась необыкновенно тонкой талей, длинной шеей, торчащими ключицами и худенькими руками, а полноту бёдер и крепких ножек скрывали юбки. Принцесса была симпатичной, но не настолько, чтобы её портрет свёл кого-нибудь с ума. Когда пришло известие о выборе короля Юстина Рааша, Маулия не поверила. Только приезд жениха и его подчёркнуто вежливое обращение изгнали сомнения из сердца.

Девушка мечтала о том времени, когда будет рядом с любимым. В своей любви к Фатлину принцесса нисколько не сомневалась, и дело вовсе не в том, что он будущий страж Огненной пасти и король могущественного государства. Его стать, сильные плечи, мужественные черты лица, вдумчивый взгляд – вот что заставляло сердце биться при мыслях о будущем супруге.

Когда дядя Хаген интересовался, почему племянница ещё

не уехала из дома, она не знала, как отвечать. Невеста рвалась в Тассию всем существом, но кого это трогало? Искра надежды затеплилась во время разговора за ужином – вдруг отец послушает дядюшку. К сожалению, его величество Антал Патти остался верен обещанию об отсрочке. Целых пять лет! Маулии исполнится двадцать три! Лучшие годы хрупкой юности она проведёт в тоске и слезах! К чему такое отложенное счастье?

Утром новая неприятность: отец повелел им с матушкой убраться из столицы, дабы не раздражать гостя. Принцессу подняли затемно, не дали ни умыться, ни позавтракать, усадили в экипаж, укутали пледом и повезли в гости к брату. К несносному брату!

Университетский город удивлял числом молодых людей на улицах. Здесь были и торговки, и уборщики, и стражники, и прочий люд, но чаще других мелькали юноши со связками книг и с охапками свёрнутых в рулоны бумаг. Студенты обретались повсюду: в храмах вымаливали себе удачу на испытаниях, в харчевнях поедали дешёвую похлёбку, на площадях неистово хлопали заезжим комедиантам.

Маулия из окна кареты наблюдала бурную, кипящую весельем и здоровьем жизнь, и позабыла о своей тоске. Тянуло бродить среди счастливых беззаботных парней, кокетничать с ними, как молодые горожанки. Вот когда пожалеешь, что родилась принцессой! Девушка даже простила в душе безалаберного братца: неудивительно, что его раздражал наро-

чито высокомерный вид сестры – невесты будущего стража Огненной пасти. Вот она – жизнь! Вот она – радость!

Её величество Маршута Патти с дочерью поселились в лучших покоях университетской гостиницы. Ректор, деканы, преподаватели просили аудиенции, дабы оказать почтение, ведь королева слыла первым благотворителем – без её участия учёба многих студентов стала бы невозможной. Вскоре назначили торжественный приём и бал в честь высоких гостей.

Маулия увлеклась новыми знакомствами, осмотрами лабораторий, библиотек и больше не рвалась в Тассию. Почему бы и самой не поступить в университет? Девушки среди студентов почти не встречались, но уж для королевской дочери нашлось бы местечко. Августейшая мать, когда услышала, замахала руками и долго не могла успокоиться, уговаривая дочь выбросить глупости из головы. Однако Маулию всё больше грела новая задумка, и на приёме принцесса попросила ректора принять её на обучение.

– Я слышал, вы замуж выходите, – не смея прямо отказать, возражал тот и поглядывал на недовольное лицо королевы.

– Да, – одними губами улыбалась её высочество, – но свадьба через пять лет, я успею пройти курс.

«И найти приключений», – подумал ректор, но вслух сказал другое:

– Посмотрю, что можно сделать, а вы пока выбирайте факультет.

Брат поддержал Маулию в её затее. Анти провёл принцессу по всем зданиям университета, показал город, познакомил с друзьями, хвастая разумной сестрой, которая не хочет корпеть над рукодельем, а стремится к наукам. Наследника ниатианского престола невозможно было узнать, как будто ядовитый шутник и взявший над девушкой опеку студент – два разных человека.

Спустя три дня намерения её высочества не казалась пустыми даже матери. Ничего нет плохого в том, что будущей королевой Тассии станет просвещённая женщина. Принцесса и сейчас была неплохо образована: владела четырьмя языками, знала географию, биологию, знакомилась с началами химии и медицины, музицировала, рисовала. Теперь заинтересовалась историей. Декан исторического отделения так увлечённо рассказывал о войне с магами, так ярко описывал подробности битв, так восхищался героями, которые выстояли в борьбе с едва ли не всемогущим противником, что душа девушки переполнилась восторгом.

Причастность к великим свершениям льстила её высочеству – она будет членом семьи одного из героев. В Тассии происходили главные события: изгнание магов через портал в другой мир, принятие межгосударственных законов, послевоенный договор со сверхъестественными силами. Главным стражем портала назначили тогда короля Юстина Рааша, остальные правители обязались выделять средства для поддержания целостности печати, наложенной на портал, со-

борно оплачивать охрану Огненной пасти от посягательств тех, кто не согласен с изгнанием магии. Принцесса мечтала удивить свёкра и мужа глубокими познаниями. Раз уж отложили свадьбу, пусть увидят, как невеста распорядилась отсрочкой.

Настрой Маулии изменился, когда её нашла весточка от Фатлина Рааша. Ах! Если б прочесть нежные строки до приезда в университет! Любовь, надежда на свидание, тоска по застенчивой улыбке невесты, по её ласковому взгляду выплёскивались с бумаги прямо в сердце девушки. Поэт не сказал бы лучше. Маулия покрыла поцелуями письмо, перечитала его ещё и ещё раз и замерла, глядя на огонь свечи.

Принцесса сидела за столом в комнате университетской гостиницы, водила пальцем по чернильным пятнам и дорожкам застывшего воска. У другой стены стояла узкая кровать без балдахина, рядом с ней комод со следами от доньшек винных бутылок. Дальше у выхода в комнату матери торчал бок печки, что обогревала оба помещения – топили её в общем коридоре, чтобы не беспокоить гостей.

Маулия успела привыкнуть к небогатым, но уютным покоем, к неброским тонам стен и гардин. Здесь она собиралась за ближайšie три года подробно изучить историю войны с магами, обрести знания и уверенность. Память дразнила недавними картинками: с каким уважением говорили ректор и декан, как почтительно поглядывали студенты, даже брат воспринимал всерьёз. Жаль было расставаться с но-

выми ощущениями. Издали жизнь в родном замке казалась фальшивой, как поздравительная ода. Все эти поклоны, церемонии, переодевания по пять раз на день.

Печаль от прощания с мечтой защипала глаза, слезинки скатились по круглым щёчкам, упали на бумагу. Маулия услышала шаги и встала навстречу матери. Королева измучилась от любопытства. Ей доложили, что принцесса получила письмо от жениха, но девочка, вопреки ожиданиям, не похвастала, а сидела у себя тихо, как затаившийся в норе мышонок.

– Ты плачешь?

– Нет, матушка.

– Что пишет Фатлин?

Королева взяла лист и пробежала глазами текст.

– Это приглашение, – мечтательно произнесла девушка.

– Твой жених красноречив. – Голос матери казался сиплым, зависть к счастью молодых высушила гортань. – Завтра едем. Не следует заставляя его высочество ждать.

– Хорошо, – согласилась принцесса и заглянула в письмо. – Ой, что это?

В тех местах, куда упали слёзы, буквы стали узкими и корявыми, совсем не такими, как в остальных строках.

– Ну, вот, – огорчилась королева, – испортила! Не могла в сторону плакать?

Маулия не ответила, сердце её участило удары, щёки покраснели. Опасностью веяло от острых, как заточенное лез-

вие, буковок. Принцесса молча наблюдала, как мать скручивает лист и убирает его в фиолетовый чехол, украшенный золотыми вензелями.

– Завтра. Утром. Будь готова.

Королева унесла письмо к себе – хотела ещё раз насладиться поэзией любви, пусть чужой, но такой возбуждающей.

Её высочество шагнула к печному боку, прижала ладони к горячей белёной поверхности. Девушку знобило. Уж не заболевает ли она? Перед глазами вставали сцены, теперь казавшиеся далёкими: помолвка – принц берёт за руку и надевает кольцо на палец, улицы Вестленда – гомонящие стайки студентов торопятся на занятия.

Столкнулись две мечты – осуществление одной противоречило другой.

6. Возвращение и новая дорога

Выехали, чуть проклюнулся рассвет. В карете королева уснула и тихонько похрапывала. Маулия чуть наклонилась вперёд и вглядывалась в проплывающий мимо пейзаж, обнимая фолиант – бесценный дар декана-историка.

Местность была ровная и скучная, как пустая сковорода. В буро-серой дали поблёскивали лужицы озёр, росчерк старицы, мелькали прозрачные, с лёгкой зелёной фатой, кроны деревьев. Когда солнце поднялось выше и прогнало туманную дымку, стали видны копыта травы, пронзившие старую листву. Принцесса ждала, что вот-вот станет светлее – не терпелось начать чтение.

Её высочество держала книгу, напечатанную без помощи магии. Пятнадцать лет назад, начиная войну, люди и не предполагали, сколько удобств потеряют, когда избавятся от волшебников. Так печатные машины, которые были в каждой состоятельной семье, превратились в бесполезный хлам. Пришлось изобретать механические станки – громоздкие и неудобные. Первая типография появилась в Вестленде, а первое напечатанное новым способом произведение описывало историю войны с магами. Изготовили десять книг, одна из них досталась Маулии. Девушка погладила кожаный переплёт, золотое теснение. Было приятно касаться шершавой поверхности, вдыхать незнакомый терпкий аромат. Фолиант

не походил на созданные волшебством тома из королевской библиотеки, он словно хранил тепло рук тех, кто потрудился над ним.

Стало светло, матушка проснулась, а Маулия углубилась в текст.

Летописец собрал под одну обложку указы правителей, свидетельства очевидцев, легенды о героях. Принцесса пропустила страницы с описанием преступлений магов, за которые их изгнали, её больше интересовали поступки людей, их подвиги, победы и поражения. Некоторые особенно яркие места девушка зачитывала матери. Та вздыхала, молилась и повторяла:

– Всё это мы пережили. Нет хуже судьбы, чем война.

– А что самое страшное? – спросила Маулия.

– Страшное? – Королева поглядела в окно, любясь чистым высоким небом, и сказала: – Твой отец берёт нас. Вы были слишком малы, а я слишком напугана. Носа не высывала за ворота. Одно видела – как магия уходила из нашего мира.

– Как? Как она уходила? Что ты видела?

– Сначала послышался странный звук, будто всюду запели нежные арфы. Люди побежали на улицу. Я тоже. Нам тогда сообщили, что войне конец – договор подписан. Все ждали, когда магия уйдёт.

– И? – Маулия в волнении склонилась ближе к матери.

– На площади собралась толпа. В воздухе разлилось бла-

гоухание. Сладостное. Оно было слишком сильным, стало душно. Люди закрывали носы платками.

– Ты говоришь – видела. Что ты видела?

– Небо изменилось. Оно стало всех цветов – широкие полосы красного, жёлтого, зелёного, фиолетового, оранжевого...

– Радуга?

– Гигантская. Грандиозная сильная радуга во всё небо – от горизонта до горизонта.

– Стояла? – шепнула девушка, сдерживая дыхание.

– Двигалась. Со всех сторон туда, в горы, к Огненной пасти. А на горизонте всё сливалось в одно пламенно-золотое сияние.

– Наверное, красиво.

– Величественно. Необычно. Чутьочку страшно от широты охвата. – Королева развела руки, насколько позволяла карета. – Казалось, краски покидают мир. Мы остолбенели, будто душа улетала следом.

– Легенда гласит... – Маулия пролистнула десяток страниц, нашла нужное место и прочла: – «...многие умерли в тот великий день». Это правда?

Королева пододвинулась ближе, заглянула в книгу.

– Не-е-ет. Здесь о другом говорится. Маги ушли, кое-кто из обычных людей последовал за ними в другой мир, умирая для тех, кто остался.

– Мама, – принцесса перешла на шёпот, – дядя Хаген...

он разве не маг?

– Нет! – испугалась мать. – Смотри, никому не скажи эту глупость!

– Ты не видела, – настаивала Маулия, – у него волосы длиннющие...

– Ну и что?! Подумаешь, волосы!

– Вот, я читала, смотри! – Принцесса опять порылась в книге. – «Силу мага определяла длина волос». И вот ещё: «...волшебники лишены мизинцев». У дяди по четыре пальца на руках.

– Доченька, послушай меня, – голос королевы стал строгим, – Хаген Хорас – не простой человек. Он был чародеем, но отказался уходить. Теперь, когда источника магической силы нет, он не тот, что раньше. Пожалуйста, молчи, не навлекай неприятностей.

– Кто может причинить неприятности? Мой будущий свёкор?

– Просто не говори никому. Никому.

За чтением и разговорами дорога показалась короткой. Солнце ещё не оделось в багровые тона, когда копыта четверки лошадей зацокали по булыжнику главной площади.

Его величество ничего не слышал о письме будущего зятя и весьма удивился, что Фатлин обратился к Маулии, минуя его.

– Как неосторожно, – бормотал он, рассматривая послание принца в присутствии супруги, – если бы свояк не был

здесь в то время, когда написано письмо, я бы решил, что это он помутил разум жениха.

– Помутился разум? Как ты выражаешься! – перечила королева, – Фатлин влюблён в нашу девочку, хочет видеть её. Что в этом странного?

– Не уверен, что это... – Антал потряс бумагой, – согласовано с Юстином.

– Если узнаешь, что выдумала наша дочь, то это, – тоже указала на письмо королева, – покажется тебе спасением.

Антал выслушал рассказ о визите принцессы в университетский город, развёл руки, демонстрируя изумление, и согласился, что передать невесту семье жениха лучше, чем доверить её университетским преподавателям.

– Судя по тому, как изменился сын, – грозил он кому-то невидимому пальцем, – девочке вообще не следует там находиться. Мы должны... м-м-м... Осторожность...

– Не помешает, – закончила любимую фразу мужа королева. Она осталась довольна разговором.

С полчаса супруги спорили, кому сопровождать принцессу. Поскольку приглашают одну Маулию, матери ехать не стоит. Хаген, который обещал посетить Тассию вместе с невестой Фатлина Рааша, накануне покинул замок, и неизвестно, когда вернётся. Королева отослала бы половину вельмож и прислуги, беспокоясь за дочь, но не рисковала показать недоверие к дому Раашей. Остановились на двух фрейлинах, трёх горничных и старом королевском советни-

ке Ноуне, который служил ещё отцу Антала и остался в замке в память о прежних делах.

Старик Ноун крепостью уступал другим приближённым, зато обладал природной способностью чувствовать ложь в речах собеседника. С уходом магии из мира эта его черта проявлялась слабее, чем раньше, но злонамеренный обман бывший советник распознавал легко.

Каждому из покидавших Ниатию королева вручила по клетке с парой почтовых голубей и строго наказала в случае чего отправлять послания. На вопрос дочери «В случае чего, матушка?» Маршута сделала неопределённый жест и прижала к глазам платок. Внезапный отъезд Маулии растревожил материнские нервы. Душа её величества металась встревоженной птицей над выпавшем из гнезда птенцом, что трепыхается в пыли проезжей дороги. Сердце то стучало в висках, забивая гвоздики бесконечных вопросов, то комом застревало в горле, не давая слова сказать, то распухало в груди до непомерных размеров, мешая дыханию. Антал, в глазах которого застыла тревога, не мог утешить супругу, однако ни один из родителей не отважился запретить дочери поездку. Маршута, желая успокоиться, перечитывала романтическое послание будущего зятя, пока дочь не потребовала вернуть письмо.

Наконец, сборы и слёзы остались позади. Путь предстоял неблизкий, кроме карет её высочества и советника, в кортеже катил грузовой экипаж – везли сундуки с личными

вещами путешественников и подарками. Охрана из десяти гвардейцев скакала верхом. Погода стояла чудесная, путешествие обещало быть приятным.

Маулия захватила в дорогу исторический фолиант и десяток напечатанных ещё магическим способом книг из королевской библиотеки, и почти всё время читала. От непрерывной тряски и плохого освещения глаза принцессы утомлялись, она тёрла ладони, согревая их, и прикладывала к закрытым векам – это ненадолго помогало. На последней остановке Ноуна обеспокоил нездоровый вид принцессы:

– Что случилось, ваше высочество? Вы плакали?

– Читаю, иначе скучно ехать.

– Разве фрейлины не развлекают вас беседой?

– Пустой болтовнёй, хотите сказать? У меня от их трескотни только голова начинает болеть.

– Что ж, если позволите, пересяду в вашу карету. Надеюсь, моя болтовня не так утомительна.

– Прошу. – Маулия смущённо улыбнулась. – Мне самой надо бы догадаться.

Оставалось сожалеть о том, что эта мысль не пришла в голову советника раньше. Ноун за последний день поездки собрал о Раашах и их землях больше, чем принцесса выудила из книг за всю предыдущую дорогу. Особенно увлекательным был рассказ о Хилом лесе – так называли пространство, окружающее гору с пещерой Огненная пасть. По словам Ноуна, здесь, хоть и слабо, продолжала действовать магия. То

ли её остатки зацепились за холмы и болота, то ли энергия просачивалась через портал.

Хилый лес оправдывал прозвище. Маулия убедилась в этом, когда карету окружила чахлая поросль. Вид болотистых обочин, замшелых стволов, бурелома, странных сполохов в повисшей над землёй дымке наводил на тоскливые размышления. Иногда девушка отвлекалась от мирно текущей речи спутника и представляла, как уходит по зыбкой тропе туда, в глубину странного леса. Путешественнице приходилось щипать себя за кожу между большим и указательным пальцем, дабы прогнать наваждение.

Снаружи раздалась возгласы. Сопровождающие карету всадники подавали друг другу сигналы. Экипаж остановился. Встревоженный гвардеец соскочил с коня и подошёл к двери.

– Господин советник!

Ноун поклонился принцессе со словами «Вы позволите?», и Маулия едва успела кивнуть, как старик проворно выскочил. Девушка ерзала, не решаясь посмотреть. Ей было любопытно, в чём причина остановки, но в случае опасности выходить и даже выглядывать из кареты считалось недопустимым. Служанка хотя и была напугана, виду не подавала – Отти тоже хорошо выучила правила. Принцесса прислушивалась к неразборчивым фразам – советник говорил тихо, но беспокойство в его тоне угадывалось. Маулия толкнула дверь, снаружи её удерживали. Да что же это такое!

– Господин советник, – позвала принцесса, случайно издав визгливую ноту, – что происходит?

Ноун тут же заглянул в карету:

– Прошу великодушно простить, ваше высочество. Вам не надо это видеть.

– Что? Что там? – Маулия пыталась придать голосу твёрдость. – Меня пугает неизвестность. Дорога испорчена? – Ей представилась непреодолимая преграда впереди: завал или огромная яма. – Я желаю посмотреть.

Советник, оставаясь вежливым, старался говорить как можно убедительнее:

– Пятеро убитых, ваше высочество, тела растерзаны, зрелище неприятное.

– О! – Маулия расширила глаза и прикусила губу. Память услужливо подбросила фразу Ноуна о том, что местные жители стороной обходят Хилый лес. – Их убили маги?

– Нет, что вы! – Старик наклонился к юноше-гвардейцу, прошептал приказ и вернулся в карету. – Его величество никогда не отпустил бы вас, будь здесь опасно.

– Если не маги, то кто тогда?

– Обычные бандиты. Странно только...

Ноун замаялся. Маулия поторопила его:

– Что странно?

– Этой дорогой мало кто пользуется, кого злодеи могли поджидать?

– Нас?! – У девушки свело живот от страха.

– Вряд ли.

Карета тронулась. Маулия, будоражимая любопытством, сдвинула шторку, но тут же отпрянула от окна – в двух шагах от колеса лежал изуродованный человек.

– Ваше высочество, – плаксивым голосом сказал Ноун, – прошу вас, не смотрите.

– Их похоронят?

– Сегодня же расскажем королю Юстину о трупах на дороге. Не беспокойтесь.

– Это его люди?

– Полагаю, да.

Кортеж выехал из Хилого леса, дорога поднялась на холм. Атмосфера неуловимо изменилась, будто с глаз упала мутноватая пелена. Советник предложил выйти, размять ноги – хотел отвлечь принцессу от тревожных дум. Маулия послушалась. Туфельки ступили на разогретые солнцем камни, стало веселее.

Дорога огибала залитую туманом низину, оставляя её по левую руку. С противоположной стороны на более высоком холме расположился замок Раашей. Стена и башни плыли в облаках: снизу холм окутывали клубы тумана, сверху надвигались темнеющие тучи. Шпили пронзали лёгкие тела небесных странниц, но цитадель пока ещё освещало солнце, и она дерзко выделялась на унылом фоне.

– Восхитительно, – прошептала принцесса.

– Вашей судьбе завидуют многие юные особы королев-

ских кровей, – равнодушно сказал Ноун.

Старик не смотрел на замок, его больше интересовало то, что скрывал туман. Внизу мелькали тени. В искажённых молочно-зыбкой влагой силуэтах угадывались всадники.

– Нам лучше ехать. При случае ещё полюбуетесь, ваше высочество.

Советник велел кучеру погонять лошадей, не жалея их, и строго глянул на фрейлин, девушки со всех ног бросились к своей карете. Затем Ноун подал руку Маулии, помогая преодолеть ступеньки, и поспешил забраться следом.

Путешественники обогнули низину и въехали через раскрытые ворота в парк. Гладкие широкие стволы деревьев и толстые изогнутые ветви образовали причудливую арку вдоль хорошо укатанной красноватой дороги. Маулия, несмотря на протесты спутника, опустила раму и по плечи высунулась в окно. Карета очутилась в сказке. Недаром большинство легенд и мифов начинались описанием замка Рааша и его парка.

– Восхитительно! – повторяла принцесса.

– Надеюсь, восторги не остынут после знакомства с будущими родственниками, – холодно заметил Ноун.

Ему не давало покоя увиденное в Хилом лесу – что это, если не дурное предзнаменование?

После его слов гостье Раашей показалось, что она стремится в западню. Стены аллеи из стволов-колонн, свод из переплетения ветвей ограничивали свободу. Маулия вернулась

в карету и позволила Ноуну закрыть окно. Следовало прогнать унылые мысли, чтобы предстать перед женихом и его родителями со счастливой улыбкой. Увидев перемену в настроении подопечной, советник сказал ободряющим тоном:

– Всё будет хорошо, ваше высочество. Не извольте волноваться.

Принцесса кивнула, однако парк больше не рассматривала.

Король и королева встретили невесту по всем правилам. Наряды августейшей четы Анталов соответствовали тождественности момента, но не были слишком пышными, в них преобладали горчичные тона. Цвет вызвал у Маулии неприятную ассоциацию, наверное, из-за недоумения на лицах встречающих. Особенно неуютно стало гостье, когда советник не удержался и сказал себе под нос: «Врут». Его величество Юстин как раз произносил слова приветствия: они-де безмерно рады визиту невесты его высочества. На щеках принцессы проступили пятна румянца, пальчики впились в подол дорожного тёмно-вишнёвого платья, который она придерживала, собираясь сделать реверанс. Следующий вопрос королевы заставил девушку покачнуться:

– А где же Фатлин? Почему ты приехала без него?

– Разве его высочество не здесь?

– Ты просила встретить тебя в Хилом лесу!

– Я?!

– Посмотри на эту нахалку, Юу! – отбросила условности

королева.

Принцесса чуть не задохнулась от возмущения. Не такого приёма она заслуживала.

– Позвольте сказать, ваше величество. – Советник шагнул вперёд, загородил девушку и тем самым дал ей время собраться. – Мы видели на дороге погибших гвардейцев. Быть может, это люди принца?

Дальнейшего разговора Маулия не слушала, боролась с нахлынувшей обидой, удерживала готовые слёзы. Фрейлинам пришлось чуть ли не под руки уводить её высочество.

Гостью в этот день больше не трогали, дали время устроиться. Утром навестили Рааш и Ноун. Разговор предстоял неприятный – это Маулия поняла сразу, как увидела их лица. Не тратя время на церемонии, будущий свёкор начал с вопроса:

– Дочь моя, правда ли, что тебя привело к нам письмо Фатлина?

Юстин пытался сгладить вчерашнюю строгость, но девушку покорило обращение – она пока не стала невесткой короля. Стараясь сохранить самообладание, разглядывала короля, которого вчера почти не запомнила. Страж Огненной пасти был выше среднего роста, плотный, с правильными крупными чертами лица.

– Да, получила послание принца, когда навещала брата в Вестненде.

– Вот как?

Его величество прошёлся по комнате, сел в обитое фиолетовым бархатом кресло и указал на такое же, стоявшее напротив. Принцесса послушалась. Спина её была как всегда прямой, но слишком напряжённой. Девушка предвидела: сейчас в чём-то обвинят.

– Следует заметить, что ни я, ни мой сын представления не имели, куда ты уехала. Как же письмо нашло тебя? – Король в задумчивости потёр локоть правой руки. – Нет, произойди это лет двадцать назад, никто бы не удивился. Даже среднему магу под силу определить место, где прячется искомое лицо, если оно не укатило за тридевять земель. Но сейчас...

Маулия испуганно глянула на Ноуна, тот постарался приободрить её взглядом. Чуть помешкав, принцесса сказала:

– Возможно, Фатлин объяснит, куда и почему он отправлял гонца.

– Объяснил бы, да только его высочество как уехал встречать невесту, так и пропал. Где вы могли разминуться?

– Кроме тех мёртвых людей в Хилом лесу, мы больше никого не видели, – едва шевеля побелевшими губами, проговорила Маулия.

– Те мертвые люди, – сказал король, глядя прямо перед собой, – гвардейцы моего сына.

Маулия вскрикнула:

– А где он сам?

– Ищут. Никаких следов. – Юстин протяжно вздохнул и

спросил: – Могу я увидеть письмо?

Принцесса хотела встать, но советник Ноун опередил её. Старик расторопно подскочил к массивному столу красного дерева, раскрыл сундучок для писем и вытащил оттуда нужный чехол. Маулия даже не успела удивиться, откуда Ноун знает, где она хранит послание Фатлина.

Его величество принял свиток. Пальцы его подрагивали.

– Да, – сказал он, прочитав несколько абзацев, – это почерк моего сына, – однако слог... Слог совсем не его. Фатлин расхохотался бы, прочитав эту приторную муть.

Тон короля задел Маулию. Выходит, напрасно она рыдала над поэтичными строками?

– Теперь вы убедились, ваше величество? – подал голос Ноун.

– Я изучу. Вернее, дам изучить моему советнику, если ты не возражаешь, Маулия.

– Зачем?

– Видишь ли, я договорился с Анталом об отсрочке свадьбы. Фатлин согласился с этим. Не думаю, что сын отважился приглашать тебя тайком.

За дверью послышались торопливые шаги. Юстин поднял глаза, Маулии пришлось обернуться, чтобы увидеть входящего. Это была королева. Если его величество оставался в том же горчичном костюме, что и вчера, супруга оделась в платье цвета переспелой черники. Все поднялись. Королева махнула рукой и почти упала на диван, сливаясь нарядом с

тоном обивки.

– Приехал гонец из Хилого леса. Фатлина так и не нашли! Куда делся наш мальчик? Юу! Сделай что-нибудь.

– Обязательно. Не волнуйся. Мы уже выяснили некоторые подробности.

– Что выяснили? – напряглась королева.

– Наш сын действительно пригласил невесту. Почему он не известил нас, пока непонятно.

– А зачем она вызвала его в Хилый лес? А?!

Маулия съёжилась под прицелом тёмно-зелёных глаз будущей свекрови. Юстин, который смотрел в сторону, повторил вопрос жены:

– Доченька, зачем ты просила Фатлина встретить тебя в Хилом лесу?

– Я... Я не просила, – затравлено сказала принцесса.

– Как прикажешь понимать твоё письмо, – продолжала бурить девушку взглядом королева, – где расписывала боязнь дороги по Хилому лесу?

– Не было никакого письма. Про лес я не знала, чего мне пугаться? – встрепенулась Маулия.

Рааши переглянулись. Слёзы в глазах девушки подтверждали её искренность. Кроме того, старик Ноун говорил вчера, что байки местных жителей о Хилом лесе принцесса впервые услышала от него.

– Всё это очень-очень странно, – сомневалась королева. – Юстин, я надеюсь, ты разберёшься.

– Обязательно. – Король поднялся и, не глядя на Маулию, сказал: – Устраивайся, дочка. Когда Фатлин вернётся, он тебя навестит.

Августейшие супруги ушли, Ноун выскользнул за ними. Принцесса стояла и нервно кусала пальцы. Она не могла объяснить последние события. Зачем Фатлин звал её, почему не дождался, зачем обманул родителей? Вопросы мучили девушку, когда она сидела в комнате, когда гуляла в парке, обедала или пыталась заснуть. Рааши больше не приходили и не приглашали к себе, как будто гостей нет в их замке.

7. Нападение на принца

Письмо невесты удивило Фатлина. Девушка с очаровательными ямочками на круглых щеках и восторженным взглядом не казалась решительной. Сама она вздумала заявиться к Раашам, или ей руководил Антал Патти? Фатлин показал письмо невесты отцу, тот разгневался и едва не поколотил сына – страж Огненной пасти не верил в участие родителей невесты в интриге, те предупреждены, что попытка ускорить свадьбу приведёт к расторжению помолвки, вот и заподозрил в хитроумной игре самих влюблённых. Сын поначалу оправдывался, но беспочвенные обвинения разозлили. Семейство Раашей рассорилось ещё до приезда невесты. Письмо у Фатлина отобрали и запретили выезжать навстречу гостье. Если уж набралась наглости, пусть знает: в замке ей не рады. Принц послушался – прихватив личную охрану, отправился в Хилый лес, которого, судя по письму, так боялась Маулия.

Погода не располагала к прогулкам. Густой и тягучий туман низины выплёскивался на дорогу широкими языками, с востока надвигались тучи. Следовало бы вернуться в замок до грозы, если вдруг она разразится. Гвардейцы, как только ворота замка остались за спиной, принялись отпускать остроты: что, мол, будет, если батюшка не пустит на порог жениха с невестой? Пятерых бойцов маловато, следова-

ло всю гвардию уводить, чтобы замок штурмовать. Фатлин отмалчивался, его и в самом деле беспокоило, как встретят родители их с Маулией.

– Прекращайте зубоскалить! – хмуро сказал он, когда первые кривые деревья выстроились вдоль дороги, – двое вперёд, двое сзади, один со мной.

Гвардейцы погасили улыбки, распределились. Принц ехал, не торопясь, и размышлял о ссоре с отцом. Их отношения никогда не были простыми. Юстин не стал бы стражем Огненной пасти, не имея наследника, но предпочитал, чтобы тот оставался бездетным – как только родится внук, Фатлин получит стимул избавиться от папаши и присвоить не только королевство, но и власть над порталом.

Принц, чтобы развеять оскорбительные подозрения, согласился на отсрочку свадьбы. Выходка ниатианской принцессы озадачила, жених представлял будущую супругу добродетельной и послушной, а не своевольной. Хотя, быть может, влюблённая девушка едет в гости лишь потому, что соскучилась? «Подозреваю наречённую в дурных намерениях, совсем как отец, – внутренне укорил себя юноша, – надо сначала поговорить с Маулией, выяснить мотивы». Шум и крики прервали размышления. Звуки доносились и спереди, и сзади.

– Ваше высочество! Нападение! – первым сообразил гвардеец. – В лес! Скорее! Я задержу.

Фатлин направил коня в заросли, Динар перепрыгнул

придорожные кусты, перемахнул полусгнивший поваленный ствол, съехал по склону в покрытое мохнатыми кочками болотце и увяз в серо-зелёной жиже. Принц ловко соскочил на шаткий бугорок. Динар бил передними копытами хлипкую поверхность, увязая всё больше, и громко ржал. Помочь ему было невозможно.

На дороге кричали. Кто подстроил нападение? Зачем? Раздумывать было некогда. Принц оказался слишком удобной мишенью. Перепрыгивая с кочки на кочку, побежал. Вскоре болотце осталось позади, теперь ноги ступали по мягкой, как перина, сухой поверхности, вокруг выстроились тонкие стволы ещё не нарядившихся в зелень осинки. Голоса преследователей за спиной не умолкали. Рааш поглядывал на солнце, высчитывая направление. Если двигаться левее, можно выйти в туманную низину – там его точно не найдут. Останется только взобраться на холм к стенам замка.

Погружаясь в молочную пелену, Фатлин замедлил шаг. Так ли он поступает, как должен? Что, если разбойники промышляют на дороге, а принц оказался случайной целью? Прислушался. Кроме его свистящего дыхания никаких звуков не раздавалось, даже птицы смолкли. Задрал голову и поискал расплывчатое пятно солнца, стараясь сориентироваться. Чуть помедлив, повернул назад. Вдруг разбойники нападут на кортеж невесты? Надо убедиться, что с Маулией всё в порядке.

Обратная дорога совсем не походила на ту, которую он

преодолеет, спасаясь от преследования. Фатлин не узнавал местность. Ни осинника, ни болота, ни дороги. Мягкий мох, корявые, покрытые серой плесенью стволы, незнакомые пугающие звуки. Солнце спряталось, и принц окончательно потерял направление.

Когда измученный бесконечным блужданием юноша готов был улечься на землю, лишь бы отдохнуть, он услышал, как брешет собака. Деревня близко? Двигался на звук и вскоре различил меж тёмных ветвей светящееся окно одинокой избушки. С трудом переставляя ноги, добрался до крыльца. Ни собаки, лай которой привёл его сюда, ни забора, ни дворовых построек не увидел. Разглядел лишь чёрные брёвна сруба, бледный свет в окне и незапертую дверь. Принц шагнул в сени и упал, ныряя сознанием в темноту.

8. Ведьма

Тропа привела беглеца в жилище Нотулы, в места, где колдовская сила из-за близости к Огненной пасти не угасла. Дорогу сюда знали многие. В крепкий потемневший от сырости дом шли те, кто не надеялся на обычных знахарей, а искал исцеления волшебством, те, кто хотел обрести счастье или богатство, полагаясь на заклинанья, те, кому требовалось заглянуть в будущее. Ведьма не бедствовала, ведь страждущих с годами не убавлялось.

Люди, хотя и пользовались услугами Нотулы, хорошего о ней не говорили. Напротив, многие, вспоминая чёрные с фиолетовым отсветом глаза, в которых как будто не было зрачков, дрожали всем телом и клялись, что больше никогда не пойдут в Хилый лес.

Кроме нестарой, но высохшей, как забытая у печки коряга, женщины, в доме была ещё одна живая душа. Кем приходилась Нотуле глупая девчонка лет шестнадцати, никто не знал. Тёмная, словно впитывающая в себя каждую искру, ведьма и лучающаяся радостно-наивным светом дурочка казались пришельцами из разных миров. Длинную нескладную девчонку с копной блестящих тёмно-рыжих волос звали странным именем Дитта.

Дитта побаивалась Нотулу. При взгляде на суровую мину ведьмы, девчушка сжималась, личико её становилось ещё

более бессмысленным, необычные сапфировые глаза тускнели, из горла вылетали булькающие звуки. Девушка была немой.

В тот самый миг, когда Фатлин повалился в сених, колдунья отправила Дитту за водой. В сених девчонка споткнулась о растянувшегося на полу юношу в замызганной одежде и выронила вёдра. Нечленораздельный крик дурочки и грохот катавшихся по доскам вёдер привлёк Нотулу. Ведьма с глухим ворчанием вышла в сени.

– Чего разоралась, дурёха! О! Кого принесла нелёгкая?

Вдвоём они доволокли парня до тесной комнаты, уложили на лавку. Обычно здесь ночевали посетители, которые приходили к ведьме издалека. Нотула не торопилась приводить юношу в чувство, только шепнула слово, чтобы не умер. Для начала задумала узнать, что за человек, с добрыми или худыми намерениями пришёл. В четыре руки раздели до белья – пришлось повозиться с замысловатыми застёжками. Нотула хмыкала себе под нос, разглядывая добротную одежду.

– Иди! Постирай и развесь, – коротко приказала она девчонке, а сама положила Фатлину на лоб руку с узловатыми пальцами и тонкой потемневшей кожей и, жмурясь, бубнила заклинания.

Тело ведьмы мелко дрожало, глаза под закрытыми веками вращались, гортань издавала низкие гудящие гласные. Нотула вызнала всё, что происходило с принцем за сегодняшний день – тонкие видения пронесли в её сознании.

Вот статный всадник въезжает в лес. Мужественное лицо с квадратным подбородком, прямым носом и серыми глазами выражает недовольство. Юноша приказывает что-то спутникам, те разделяются. Вот на первых и на замыкающих одновременно нападают лихие люди. Гвардейцы сражаются отчаянно и умело, но разбойников по десятку на двоих. Принц уверенной рукой направляет красивого жеребца в лес. Спешился, уходит к туманной низине, а там – Ноула видит это – ждёт беглеца ещё одна засада.

– Кто твой противник? – спросила ведьма бесчувственного юношу и уверенно кивнула. – Он разыщет тебя, знаю, разыщет. Силён.

Всю ночь пришелец лежал без памяти, то метался, то затихал. Слабоумная девушка не отходила от него, ласково улыбалась, мычала, забавно напевая, гладила жёсткие волосы. Ведьма тоже глаз не сомкнула: установила на покрытый чёрной скатертью стол зеркало в серебряной раме, перед ним устроила дорожку из коротких толстых свечей. Закончив приготовления, Ноула оделась в просторный некрашенный льняной балахон, распустила длинные каштановые волосы, тонкими прядями змеившиеся по спине и груди, бросила шарики ароматной смолы в курильницу и забормотала труднопроизносимые слова старинных заклинаний.

Час, другой, третий хранило мутное стекло тайну, не отвечало на зов колдуньи, но упрямылась Ноула в стремлении разведать, кто охотится на принца. И вот показался образ в

ореоле отражённых языков пламени: лысый череп, впалые щёки, прижатые уши, тёмные печати вокруг глаз, подобранные напряжённые губы.

Отшатнулась ведьма, увидев мага, махнула рукой, прогоняя видение, и сказала:

– Спрячу парня. Не найдёшь.

Быстрыми суетливыми движениями избавилась ведьма от предметов гадания, разложив по местам, и пошла варить колдовское зелье.

9. Принц в доме ведьмы

Фатлин очнулся под утро. Сквозь небольшое оконце свет в комнату почти не попадал. Юноша обвёл медленным взглядом бревенчатые стены, низкий дощатый потолок, хрупкую девушку, которая спала, стоя на коленях и обхватив принца тонкими руками. Попробовал освободиться. Движения причиняли боль. Голова гудела, как будто по ней всю ночь колотили вместо барабана.

– Что это за дом? – спросил, легонько толкая тощее плечо девушки. – Эй, ты! Кто здесь живёт?

Незнакомка завозилась и, опираясь рукой на край кровати, приподняла голову. В хаосе взлохмаченных волос белело личико, выражавшее неуместный восторг. Улыбка такая бывает разве что у грудных младенцев.

– Э-э-а... Ы-ы-ыа, – произнесла она.

Принц судорожно сглотнул, во рту было сухо, как на выжженной солнцем июльской тропе. Надо бы воды спросить, да, похоже, девчонка не поймёт.

– Водицы... – Он, с усилием подняв руки, обхватил пальцами невидимую кружку и поднёс ко рту. – Пожалуйста. Или позови кого-нибудь. Есть тут кто?

В комнату вошла женщина в тёмной одежде с подобранными в пучок волосами ещё не тронутыми сединой.

– Очнулся. – Голос тихий, уверенный. – Сейчас напою те-

бя.

Принц возрадовался – пить хотел страшно, бадью осушил бы в три глотка. Приподнял голову навстречу плошке с густым травяным настоем. За стеной что-то грохнуло, раздался грубый окрик:

– Ведьма! Выходи встречать гостей!

Женщина выпрямилась, недовольно оглянулась на дверь и передала миску девице:

– Пусть выпьет, Дитта! Всё до глотка! – с этими словами ушла.

«О боже, какая пытка!» – мелькнуло в голове Фатлина. Он снова потянулся к плошке, не отводя глаз от бурого месива.

Девица поднесла питьё к его губам, но только они коснулись края, отвела в сторону.

Играет, что ли? Лицо девушки имело глуповатое выражение. Взгляд блуждал, рот был приоткрыт, брови приподняты. Юноша не мог понять, красива ли она, хотя внешность дурочки сейчас волновала меньше всего. Принц оторвал плечи от ложа и шевельнул правой рукой. Сил не хватало, будто прессом выдавили, как масло из семечек.

– Дай сюда! Как тебя? Дитта! – властно, хоть и сипло, приказал он. – Тебе велено напоить меня!

Девица выпрямилась, простодушно улыбнулась, завертела головой, что означало отказ.

– Эй! – крикнул Фатлин.

Он хотел позвать хозяйку, но голос не повиновался, ни-

кто кроме мучительницы, не услышал. Та поставила питьё и стала знаками что-то объяснять.

– Ты немая, – догадался принц. Облизал сухим языком потрескавшиеся губы и постарался сказать как можно мягче, – но ведь не глухая. Я хочу пить.

Девушка указала на миску, затем на свой рот, покрутила пальцем у виска и скорчила рожицу, ещё сильнее отвесив подбородок и закатив глаза. Принц рассмеялся бы, не будь он так зол.

– Отравить меня хочет эта ведьма? – спросил Фатлин и тряхнул головой, чтобы окончательно вернуться к действительности. – Зачем?

Дитта опять покрутила пальцем у виска.

– Дураком сделает? – ужаснулся принц. – Тебя тоже поит этим?

Девушка широко улыбнулась, радуясь чему-то, взялась за плоскую, подошла к оконцу, осторожно, чтобы не скрипнула, вынула раму. Фатлин наблюдал. Его потряхивало – драгоценная жидкость уходила из-под носа.

– Умру от жажды, – пообещал он.

Дитта оглянулась, прозрачно глянула на юношу и выплеснула жидкость в сторонку. Потом перевесилась через подоконник, доставая что-то снаружи. Сарафан обтянул неширокий, но вполне аппетитный зад. Будь сейчас принц в другом состоянии, с удовольствием бы шлёпнул по нему как следует.

Спустя мгновение в комнате оказалась небольшая бадейка, наполовину наполненная чистой водой. Девушка неторопливо зачерпнула и поднесла волшебную-прозрачную, пахнущую звонкими камушками родника жидкость к губам Фатлина. Тот пил жадно, расплескал большую часть. Ему дали ещё. Когда опустела вторая тарелка, дурочка фартуком вытерла лицо и грудь принца.

– Спасибо, – сказал Фатлин и блаженно расслабился.

Дитта посмотрела на него открытым радостным взглядом и принялась жестами объяснять, как ему следует притвориться.

«Вот ещё! – сердился юноша. – Не хватало, чтобы сын стража Огненной пасти ходил в юродивых!»

Несмотря на отчаянную жестуляцию и понятное желание девушки убедить его, лицо её казалось застывшей благодушной маской. Это несоответствие оставляло неприятное впечатление, и Фатлин прикрыл глаза. Тут же почувствовал прикосновение мягких нежных губ на щеке, напрягся, не зная как повести себя. Следующий поцелуй достался губам. Принц резко отвернулся и гневно произнёс:

– Прекрати! Ты что себе вообразила? Я – наследный принц!

Он осёкся. Если бы девушка споила ему ведьмино варево, они сейчас были вполне подходящей парой.

– Ладно, – скрепя сердце согласился он, – прикинусь глупым. Постараюсь, по крайней мере.

Дитта закрыла окно, подтащила бадейку ближе и выпорхнула из комнаты, обдав Фатлина на прощанье взглядом, где была смесь любопытства и восторга.

Теперь стали слышны голоса. Вернее, один – басовитый. Требовал пропустить в дом. Разговаривали на крыльце. Ведьма возражала, но слов её было не разобрать.

– Некуда ему деться, мы лес обшарили и низину. Здесь он! – громыхал мужчина. Ответ ему не понравился, начались угрозы: – Смотри! Хуже будет. Мой господин не посмотрит, что ты колдунья, испепелит в одно мгновение. От него ничего не утаишь, и постояльца твоего найдёт, где бы его ни прятала.

Хозяйка сказала что-то коротко и твёрдо. Ответ мужчины слышался уже издали:

– Если думаешь, король спасибо за сына скажет – ошибаешься. Тебе до этих благодарностей не дожить.

Ничего хорошего подслушанный разговор не предвещал. Теперь сомнений нет – напали на принца не случайно. Кому и зачем это потребовалось, сейчас не понять. Надо уходить, пока не заявился обещанный басовитым хозяин. Фатлин сделал очередную попытку встать, тело было тяжёлое, как мешок, набитый камнями. Юноша взмок от усилий, но так и не сдвинулся с места. Опять упал на матрац. Нет, не уйти. Коня потерял, а здесь у ведьмы ни хлева, ни конюшни, ни сарайчика вчера не заметил. Жилья другого по близости нет, лошади не достать.

Тихонько скрипнула половица. Это не лёгкие шаги девицы, значит, сама колдунья идёт. Мысли заскакали в голове, как пьяные служанки на празднике. Что делать? Притворяться?

– Эй! Парень! – Цепкие пальцы схватили плечо Фатлина и потрянули его. – Имя своё скажи!

Принц вынужденно открыл глаза и постарался вылупить их, как учила девчонка.

– Отвечай, оглох?

Юноша не решался заговорить. Вдруг он должен онеметь как Дитта? Что за действие у выплеснутого за окно отвара – неизвестно.

– Э-ыэ-ым...

– Говори, ну? Чего им от тебя надо?

– Ы-ы-ы-м-м, – промычал принц и для убедительности отвесил подбородок.

– Слабый какой, – дёрнула головой ведьма, – одной площадки хватило. Встать можешь? Ну? Давай!

Она вцепилась в запястье, словно щипцами, и зашептала что-то неразборчиво. Фатлин почувствовал, как тяжесть, разлитая по всему телу, растворяется, боль, которая терзала всё утро, исчезает. Встать не смог, но хотя бы сел – уже неплохо.

– Дитта! – визгливо крикнула ведьма.

Тут же из-за двери высунулась глуповатая рожица – Дитта ждала у порога, не заглядывая, пока не позвали.

– Сил то почему нет у него? Всё споила, паршивка?

Испуг мелькнул в глазах девушки, по лицу блуждала прежняя наивная улыбка.

– Кашей покорми, там горшок в печи, – приказала колдунья.

Дитта исчезла, за стеной загромыхало. Ведьма едко хмыкнула и взгляделась в лицо Фатлина, тот поспешил вытянуть физиономию, приподняв брови, и скривил рот.

– Хо, – не удержалась от восклицания женщина, – эк тебя. Ну, ладно, к вечеру полегчает.

Фиолетовый взгляд пронзал насквозь. Юноша с трудом сдерживался, чтобы не загородиться от него ладонями, и облегчённо выдохнул, когда колдунья ушла.

Каша ли придала сил, или заклинания колдуньи помогли, но вечером Фатлин чувствовал себя лучше. Намеревался уйти, когда хозяйка с девчонкой заснут. Лежал, прислушивался. Вот все домашние звуки стихли. Пел сверчок, да за окном ухал филин. Пора. Юноша полез в окно – опасался разбудить ведьму, пробираясь через комнаты и сени. Зацепился рубахой за гвоздь, ткань затрещала, но не порвалась, а плечо расцарапал.

Ночная прохлада ударила по всему телу. Глубокое чёрное небо подмигивало множеством звёзд, отчего становилось ещё холоднее. Мелкий сор впивался в ступни, искать сапоги, шаря по всему дому, принц не отважился. Пойдёт так, лишь бы на змею не наступить в темноте. Брести че-

рез заросли ночью было опасно, а в туманной низине вообще невозможно ориентироваться, поэтому беглец направился туда, где рассчитывал найти дорогу. Он успел отойти от дома ведьмы так, чтобы она не почуяла его, когда услышал преследователя. Кто это? Для зверя шумно, для вчерашних врагов тихо. Фатлин метнулся в сторону и затаился в кустах.

Влажный холод пробирал до костей. Пока принц шагал, движения согревали, теперь же у него зубы стучали чуть ли не на весь лес. Юноша сжимал челюсти и кулаки, стараясь унять дрожь. Кто? Кто тащится следом? Показался серебристый от лунного света силуэт. Девчонка! Дитта. Что б её, как она услышала? Дурочка не заметила в кустах Фатина, плыла мимо. Он замер – пусть уберётся. Однако увидел вещи в руках девушки – та несла сапоги и костюм. Вот молодчина!

– Стой, – сказал ей в спину и выбрался на тропинку.

Дитта обернулась, весело замычала, бросила одежду на землю и обняла Фатлина так крепко, что ему пришлось отцеплять её руки от себя. Освободившись, принц оделся.

– Спасибо. Спасибо, Дитта, ещё чуть-чуть – и я превратился бы в сугроб. Ну, всё. Иди. Иди домой. И не говори ведьме... тьфу, ты же не говоришь. Смотри, не разбуди её.

Понимала девушка или нет, но не уходила. Пока принц обувался, поддерживала за талию, мычала что-то невразумительное. Голос её казался радостным. Наконец, Фатлин облачился. Даже запыхался – всё-таки слабость ещё не ушла.

– Спасибо. – Он взял Дитту за худенькие плечи, развернул

её и тихонько толкнул в спину. – Иди домой.

Девушка замотала головой и всхлипнула.

– Со мной собралась? – Фатлин затрясся от смеха, но справился и сказал ровным голосом: – Когда доберусь до замка, пришлю за тобой. Рааши добра не забывают. А сейчас домой. Бегом!

Сам он, подчиняясь собственной команде, побежал к дороге, которую можно было различить по свободной от верхушек полосе неба.

10. Возвращение жениха

Маулия прогуливалась в парке. Обе фрейлины восторгались красотой здешних парков, башен и людей – девушки старались отвлечь принцессу от печальных мыслей. Исчезновение принца, неприязнь короля и королевы отравляли дни принцессы.

Тщательно выметенные дорожки парка, свежая зелень, солнечные лужайки, клумбы с разметкой для высаживания цветов настраивали на созидательный лад, настойчивый ветерок осушал слёзы. Здесь гостя чувствовала себя лучше, чем в комнатах. Размеренная ходьба успокаивала и примиряла принцессу с двусмысленным положением.

За спиной слышались быстрые шаги. Маулия оглянулась. По дорожке летела служанка. Она высоко подобрала юбки и сверкала белыми коленками.

– Случилось что-то, – тревожно сказала фрейлина по имени Роуза, – никогда не видела, чтобы Отти так носилась.

Маулия, ощутив биение сердца где-то в горле, вглядывалась в покрасневшее лицо девушки и мысленно успокаивала себя: если что-то плохое, Отти уже кричала бы.

– Его высочество вернулся! – Вестница запыхалась и с трудом выговаривала слова: – Госпожа! Ваш жених едет. Увидели со стен.

– Точно он? – Маулия сдерживала желание броситься на

площадь, чтобы встретить Фатлина первой. – Хорошо разглядели?

– Да! Точно! Конь серебряной масти в поводу, ни у кого такого нет. И костюм тот, в котором его высочество уезжал.

– Хорошо, Отти, получишь платок в подарок.

Принцесса величаво пошла по дорожке. Глядела прямо перед собой, но почти ничего не различала из-за глупых слёз. Площадь наполнял многоголосый шум. Здесь собрались едва ли не все жители замка. Протолкнуться сквозь толпу было бы непросто, но перед принцессой Ниатии народ расступался, не приходилось даже просить. С каждым шагом Маулии свободное пространство вокруг неё расширялось, а сама она всё больше волновалась.

Наконец, увидела расстеленный прямо на камнях площади ковёр с переносным тронем, где восседал Юстин Рааш. Его величество гордо вскинул голову, взгляд устремил на ворота замка.

Королева стояла рядом, она взглянула на Маулию и изобразила улыбку. Её высочество присела в низком реверансе и встала с другой стороны от Юстина. Тот поднял руку, площадь притихла. Люди замерли, боялись спугнуть ожидание неосторожным шорохом.

Застучали подковы по брусчатке, эхо отозвалось в арке надвратной башни. Тут же эти звуки перекрыли восклицания толпы. Принц шагал, высоко задрав подбородок, напряжённо изучал встречающих, как будто те были ничтожными

мухами у ног птицы, носящей корм для своих птенцов. Правой рукой его высочество держал поводья, а левой – огромную клетку с чёрной птицей.

Конь необыкновенной серебряной масти выглядел неухоженным и уставшим. Шерсть обычно сверкала, но теперь её скрывала засохшая грязь, а хвост и грива висели слипшимися жгутами.

– Что с ним? – едва слышно спросила королева, – Фатлин постарел за день лет на десять.

– Бойтся выволочки, – ответил Юстин, – это я ему, пожалуй, устрою.

– Тс-щ-щ. – Её величество глянула на Маулию, вдруг невестка услышала то, что ей не предназначалось.

Девушка смотрела на принца, как зачарованная. Тот что-то сказал слуге, который уводил коня, и, не выпуская из рук клетку с вороном, пошёл к отцу. Маулия искала в лице жениха те черты, которые понравились ей при знакомстве, и не находила. Фатлин шурился, невозможно было понять, куда направлен взгляд.

Встречу на площади устраивали, когда от визитёра ждали объяснений или оправданий. Юстин сердился на сына за самоуправство: пригласил в замок невесту, а сам исчез. Принцу следовало просить позволения вернуться. По протоколу провинившийся вставал на одно колено, склонял голову и двумя руками протягивал королю плеть. Сила ударов зависела от вины. Королева увидела потускневшего, хмурого, из-

мученного сына и шепнула:

– Ваше величество, умоляю: один лёгкий удар, мальчик осунулся, посмотри.

Юстин сохранял непроницаемое выражение лица. Слуга на медном подносе подавал плетъ, но принц скользнул мимо. Слуга потерянно тянул символ раскаяния спине его высочества. Толпа удивлённо замерла, королева часто задышала, Король побагровел, и только Маулия, которая не разбиралась в тассийских условностях, улыбалась жениху.

Принц едва заметно кивнул в сторону трона:

– Устал. После поговорим.

Обогнул королевскую чету и зашагал дальше. Стражники не видели происходящего из-за толпы, они распахнули двери и салютовали его высочеству. Так и не получив высочайшего прощения, принц проследовал в свои покои.

Сын перед слугами и придворными показал неповиновение, Юстин еле сдерживал гнев. Он жестом приказал всем расходиться и, не поворачивая головы, сказал супруге:

– Осунулся, говоришь... Помягче с ним, просишь...

Королева сжалась, приподняв плечи:

– Не понимаю, что происходит.

– Ведёт против меня игру. До вечера жду объяснений. До вечера, так ему и передай. – Его величество обернулся к Маулии, которая по-прежнему стояла рядом и нервно теребила кружева подола. – Что вы с ним затеяли?

– Ваше величество, – сипло заговорила невеста, – письмо

от Фатлина я показала вам, больше ничего не получала и не видела его после помолвки. Когда бы мы затеяли?

– Ловка. Ловка! – Король порывисто встал, резко развернул супругу за локоть и повёл её к дверям.

Маулия застыла. Вокруг неё суетились слуги. Одни уносили трон, другие скатывали ковёр. Принцесса мешала им, но не замечала этого.

– Ваше высочество, – попыталась вывести госпожу из оцепенения Роуза, – пойдёмте в покои, вдруг жених захочет навестить вас.

– Да, конечно, – согласилась Маулия, хотя равнодушные, с каким Фатлин прошёл мимо на неё, заставляло усомниться.

11. В покоях принца

Хаген Хорас – а это был он – вошёл в покои его высочества Фатлина Рааша и огляделся.

– Посмотри, дорогая, здесь мы будем жить. – Шагнул к занавешенному окну, резким движением отодвинул штору и поставил клетку в нишу. – Подождём, пока самодовольный индюк Рааш уступит нам трон.

Лучи клонящегося к закату солнца ласкали мебель светлого дерева, узорчатый паркет, гобелены, которые изображали сцены охоты и битвы, коллекцию клинков на стене. Поддельный принц подошёл к высокому зеркалу в массивной медной оправе и встал подбоченясь:

– Как тебе новая внешность?

Ворон издал резкий звук, схожий с треском сухой ветки, когда её ломают о колено. Хаген продолжал любоваться отражением:

– Лицо широкогато, пожалуй, – потёр щёку, – бороду отпустить, что ли? Волосы зачем он стрижёт? Густые, жёсткие... Я бы отращивал. А? Согласна, дорогая? Волосы лучше отрастить.

Ворон снова гаркнул.

– Вот и я говорю, так надоел парик. Ладно, посмотрим.

За дверью шумели. Хаген отошёл от зеркала и крикнул:

– Кто там возится, заходи.

В комнату просочился худощавый камердинер принца.

– Это я, ваше высочество, позвольте...

– Что мнёшься? Говори!

– Его величество изволит пригласить вас на ужин.

– Скажи, устал. Не приду. – Хаген с удовольствием заме-

тил, как вытянулась физиономия камердинера. – Да. Ещё.

Один человек помог выбраться из болота, куда меня загнали

бандиты. Хочу на службу взять. Зовут Регнер. Предупреди

охрану, пусть пропускают.

Тощий судорожно кивнул и спросил:

– Как быть с батюшкой? Осерчает.

– Поглядим. Ужин пусть сюда принесут. Иди. Про Регнера не забудь!

Когда за камердинером закрылась дверь, Хаген обошёл комнаты. Выражая восторг, щёлкал пальцами и качал головой:

– Именно так я себе и представлял, дорогая. Превосходное заклинание! Великолепно сработало. Честно говоря, не верил, что двигательная, зрительная и слуховая память остаётся с телом, но это действительно так. Удобно.

Принесли ужин. Камердинер ещё раз просил его высочество принять приглашение Юстина, но потратил красноречие впустую. От компании принц тоже отказался. Ужинал, выпустив на стол непонятно откуда взявшегося ворона, да незадолго до конца трапезы к ним присоединился странный тип могучего телосложения, назвавшийся Регнером.

С этого дня новый слуга ни на шаг не отходил от принца. Из бывших товарищей ни один, кроме Томеша, не решался навязывать Фатлину свою компанию, затем и друг детства после десятка неудачных попыток бросил стараться. Только камердинер оставался звеном, которое связывало его высочество с остальными жителями замка. Именно через камердинера все слышали приказ срочно готовиться к свадьбе.

Возвращение принца наделало шуму ещё больше, чем неожиданный приезд его невесты. Разозлённый до предела Юстин посылал к сыну одного вельможу за другим. Фатлин не принимал никого, включая друга, с которым не расставался с малолетства. Король отдал приказ войти в покои принца силой, но в дверях стояла магическая преграда. Посланные опять вернулись ни с чем. Его величество не поверил докладу, он сам был стражем Огненной пасти и прекрасно знал, что у Фатлина нет доступа к магии.

Король, отчаявшись приструнить сына, взялся за Маулию. В покоях гостыи не было преград, и Рааш ворвался туда и без предисловий потребовал отказаться от свадьбы. До этих пор ниатинскую принцессу никто так сильно не обижал, даже брат, когда подшучивал над ней. Маулии пришлось мысленно благодарить Антала-младшего за уроки: Анти научил сестричку сдерживать слёзы и говорить ровным тоном, не переходя на истерику, какие бы чувства не бушевали в груди.

– Как я могу отказаться от свадьбы, ваше величество? Согласие дано, помолвка состоялась.

– Как будто ты не поняла, о чём я. Вы поженитесь, но, как и договаривались, через пять лет. А сейчас, будь добра, отправляйся домой и сиди там, пока я сам за тобой не приеду.

Маулию так удивили слова короля, что она забылась и начала покусывать палец. Девушка и не помышляла о свадьбе, когда ехала в Тассию. Почему Рааши считают, что невеста торопит события? После продолжительной паузы, во время которой Юстин не сводил с гостью глаз, она заговорила:

– Извольте, я уеду. Меня удивляет лишь одно: почему Фатлин пригласил меня сюда и ни разу не зашёл поговорить. Быть может, его высочество чем-то обижен? В таком случае, передайте ему мои извинения.

– Что значит, не зашёл поговорить? – удивился король и в задумчивости потёр локоть. – Вы не виделись?

– Если не считать того раза на площади.

Юстин оглянулся на советника, который стоял у дверей, тот с достоинством кивнул.

– Странно, – сказал король, продолжая мучить собственный локоть, – я-то полагал, вы сговорились.

– О чём?

– Тебе разве не донесли, что принц отдал приказ готовить свадебный пир и шить наряды? Назначил срок в десять дней!

– Как? Десять дней? – Девушка не сразу собралась с мыслями, так её оглушила новость. – Надо предупредить родителей, они захотят приехать, – лепетала она, – я пошлю голубя, это быстрее, чем гонца.

– Какие родители? Какой голубь? Я тебе сказал убираться немедленно домой!

Энергичный жест короля, указывающий на дверь, и его лицо цвета свекольного салата не позволяли перечить. Маулия опустила глаза, присела в реверансе. Поза выражала подчинение, а обида уступила место тлеющему гневу.

– Позвольте приступить к сборам?

Голос звучал угрожающе. Юстин, чувствуя, что перестарался, коротко кивнул, повернулся на каблуках и вышел за дверь.

Девушка переделалась в дорожное платье, слуги уложили вещи в сундуки, погрузили в карету. Старик Ноун утешал, как мог, но Маулия не слушала. Теперь она злилась не только на будущего свёкра, но и на жениха. За что такое унижение? Если не хотят видеть, зачем приглашать? Разве так делается? Надо сначала уладить семейные противоречия, а уж потом звать гостей.

Принцесса вышла на площадь. Там ждали кареты. Расселись. Никто из Раашей не провожал. Фатлин так и не показался невесте на глаза.

Ноун не удержался и сказал что-то под нос. Маулия не расслышала, хотя и догадалась, что это ругательство. Первым тронулся экипаж с фрейлинами, он благополучно выехал за ворота. Карета с принцессой покатила по брусчатке, но у надвратной башни остановилась. Лошади ржали, тянули, упиравшись ногами в камни, но колёса как будто приросли

к месту. Возница кричал, хлестал взмокшие спины животных. Тщетно.

Больше получаса шла борьба. Слуги впрягали новых лошадей, толкали карету, пытались повернуть колёса руками. Всё впустую. Маулия рыдала. Её преследовало ощущение, что она лежит на брусчатке, не в силах подняться, а вокруг беснуется толпа во главе с Юстином Раашем, который указывает на ворота и, багровея, кричит: «Вон! Вон!» Нун говорил что-то невпопад. Старик полагал, что её высочество огорчена отъездом и отсрочкой свадьбы, а ей хотелось убраться отсюда как можно скорее и никогда не возвращаться. Вот бы зажмуриться, а открыть глаза в комнате родного замка! Девушка была готова терпеть шутки брата сколько угодно, лишь бы не быть посмешищем в семье Раашей.

Наконец её высочеству предложили пересесть в другую карету. Как только Маулия вышла из экипажа, лошади без видимых усилий покатали его. Возница с торжествующими криками правил в арку.

– Я пройду за ворота пешком, – сказала принцесса человеку, который уговаривал её сесть в карету Раашей, – видите? Моя карета едет. Я догоню её за крепостной стеной.

Однако девушка сделала десяток шагов и остановилась. Невидимая сила не пускала. Маулию пытались вывести под руки, вынести на руках. Ничего не получалось. В воротах замка стояла магическая преграда, которую настроили на принцессу Ниати.

Измученная Маулия чуть не падала, хорошо, что её поддерживали фрейлины. Девушки не дождались госпожу за воротами и вернулись. Принцесса увидела Юстина Рааша и едва не лишилась чувств. Вот-вот станет явью кошмар, который наваливался на неё в карете. К счастью, король не кричал. Он бережно взял руку Маулии, оттеснив Роузу, и сам повёл будущую невестку к воротам.

– Доченька, что тебя так напугало? Пойдём со мной.

Попытка оказалась такой же неудачной, как и прежние. Ничего другого не оставалось, как отменить приказ об отъезде.

12. Простые заботы колдуна

Хагена не беспокоила суета с отъездом невесты. Пока Юстин Рааш занят принцессой, удобнее вербовать сторонников. Целиком полагаться на магию опасно – пополнить её запас можно будет только после смерти нынешнего стража портала. Но сначала свадьба и ребёнок, точнее – сын. Опять потребуется магия, нельзя целиком довериться природе. Такими темпами вся закупленная на островах сила уйдёт на подготовку, а ещё неизвестно, что ждёт нового стража на пути в горы, к вожделенной Огненной пасти.

Колдун слишком потратился на поиски сбежавшего Фатлина. Пришлось настраивать магическое поле – такая досада! Нанятые бандиты упустили принца. Поначалу они решили, что бедняга утонул в болоте – там барахтался конь. Животное общими усилиями вытащили, седока не обнаружили. Тогда Хагену пришлось в первый раз запустить магический поиск. Фатлин бежал к туманной низине. По всей видимости, надеялся, скрываясь в её парах, пробраться к замку Раашей. Колдун приказал пятерым преследовать беглеца пешком, остальным скакать к туманной долине по дороге и перехватить там. Регнер возглавил конный отряд. Сам Хорас как смог отчистил от болотной грязи серебристого коня-красавца. Колдун пользовался мочалками из прошлогодней травы – магическую силу не стал тратить.

Скакун был хорош! Длинноногий, статный, редкой масти: шерсть на голове и спине, которая осталась чистой, отливала серебром. Страшно подумать, сколько за него заплатили Рааши.

– Лучше ехать в замок на жеребце Фатлина, меньше будет вопросов, – рассуждал Хаген.

Встречу с Тассийским принцем колдун назначил на берегу озера неподалёку. Требовалась водная гладь, желательно, спокойная. Кроме того, в Хилом лесу магические ритуалы расходовали меньше энергии. Озеро подходило как нельзя лучше: берег обрывался круто, даже в шаге можно уйти под воду с головой, глубокая торфяная вода отражала всё до мельчайшей чёрточки. Колдун сидел на поваленном дереве, любовался небом и его двойником в озере. Рядом стояла пустая клетка – ворон где-то летал. Ожидание затягивалось.

Шорохи сминаемой прошлогодней травы под копытами лошади, хруст сломанных сапогами сухих веток сообщили о приближении отряда. Хаген поднялся, разминая ноги.

– Господин! – Мрачный голос Регнера. – Мы не нашли его.

Слуга подошёл, держа лошадь в поводу, за ним столпились наёмники. Все с угрюмым видом ждали решения колдуна.

– Обещанную плату получите, когда приведёте принца, – сказал Хаген, глядя на тех, кто прятался за спиной Регнера, – мне нужен Фатлин живым или... живым нужен. Хоть из Огненной пасти достаньте мне его.

– Всё обыскали, – оправдывался главарь нанятых Хорасом бандитов, – и туманную низину, и Хилый лес. Не считая трясины, но если парень туда попал, всё одно не вытащить. У ведьмы были.

– Где вы были, а где нет – ваша забота. Мне нужен Фатлин Рааш!

Наёмники как по команде опустили головы. Люди проголодались, устали – понятно, что до утра они не двинутся с места.

– Ладно, – смягчился колдун, – всем нужен отдых. Поужинайте, напоите лошадей. Я пока погляжу, где наш проказник прячется.

Началась суета. Кто-то разводил костёр, кто-то устраивал лежанки из елового лапника и расстилал походные одеяла. Вскоре Регнер принёс господину котелок с дымящейся похлёбкой. Хаген, хотя и не был голоден, съел половину.

Тратить магию только потому, что нанятые люди плохо выполняют работу, было нестерпимо жаль, но делать нечего, упустить Фатлина нельзя, иначе все придётся начинать заново. Ночью искать даже легче, принц наверняка отдыхает, а неподвижного человека проще обнаружить поисковым полем. Хаген раскинул магическую сеть, настроил её на Тассийского принца. Несколько мгновений колдун сидел с закрытыми глазами, ходил на спящего: дыхание участилось, зрачки задвигались под прикрытыми веками.

– Он идёт по дороге! – закричал Хорас так оглушительно,

что разбудил всех.

Колдун вскочил на ноги и принялся пинать лежавших вокруг людей:

– Вставайте! В погоню! Мы упустим его!

Наёмники спросонья не понимали, что происходит, но Регнер, который привык подчиняться беспрекословно, отдавал короткие команды и наладил дело. Вскоре все десять человек оседлали коней и ускакали. На берегу остались Хаген, серебряный конь принца, да дремлющий в клетке ворон. Потянулись часы ожидания. Колдун прохаживался по мягкой усыпанной сухими иголками земле и не думал ни о чём. Солнце сначала подглядывало между стволами деревьев, потом стало пронзать лучами верхушки.

– Где же они? – свирепел Хорас. – Не так далеко он был. Чего возятся? Холера!

В этот миг колдун услышал грубые окрики и девичий визг. Обернулся. По лесной едва приметной дороге приближался всадник, перед ним поперёк лежал связанный юноша.

– Привезли, – облегчённо вздохнул Хаген, – посмотрим, что за фигура.

Наёмники спешили, кто-то держал лошадей, кто-то стаскивал пленников. Их оказалось двое.

– Кого ещё притащили? – колдун разглядывал тощую девочку с расширенными от страха зрачками и дрожащим подбородком.

– Следила. Когда мы его схватили, отбить пыталась, – ска-

зал кудлатый мужик, который удерживал Дитту.

– Отбить? – усмехнулся Хаген, сравнивая дюжего молодца с пленницей.

Кудлатый толкнул девчонку под ноги колдуну, завернул рукав, показал широкие царапины и бордовые следы укусов.

– Дикая кошка, одно слово.

Хаген повернулся к Фатлину, тот глухо и неразборчиво что-то гудел и мотал головой, пытаясь освободиться от кляпа.

– Его высочество хочет сообщить нечто важное. Регнер, вынь эту грязную тряпку, – криво улыбнулся колдун, – как дитё малое, тянет в рот что попало.

– Отпусти её! – крикнул Фатлин, как только Регнер выполнил приказ хозяина. – Дурочка она, увязалась за мной. Отпусти.

– Как зовут тебя? – Хаген скривил губу и оценивающе смотрел на Дитту.

Принц заговорил спокойнее:

– Не ответит. Немая. Немая и глупая, отпусти. Нехорошо обижать убогих.

Резкий крик ворона заставил всех вздрогнуть. Девушка присела и закрылась руками. Птица кружила над её головой.

– Дорогая, ты здесь? – обратился к ворону Хаген. – Тебе понравилась дурочка? Ладно, я отпущу её. Иди! Иди, глупышка, пока я не передумал.

Послушалась Дитта колдуна или её напугал ворон, но

она сначала попятилась, потом развернулась и припустила прочь, спотыкаясь о бугры и торчащие из земли корни. Все, кроме Хагена и Фатлина, загоготали. Кое-кто улюлюкал вслед беглянке.

– Хватит! – прервал колдун веселье. – Ведите к воде.

Принца грубо поволокли. Тут он увидел коня, привязанного к рыжему стволу сосны неподалёку.

– Динар! Динар, ты выбрался? – воскликнул Фатлин.

Колдун сделал Регнеру знак остановиться, чтобы пленник рассмотрел коня. Серебристый красавец протяжно ржал и тянулся к хозяину.

– Ты зовёшь его Динаром? Мои люди вытащили бедолагу из болота.

– Думал, он погиб. Спасибо!

– Не за что. Тебе он не пригодится.

Хаген велел слуге продолжать, подошёл к самой кромке воды и вгляделся в тёмную глубину. Подтащили и поставили рядом принца. Тот вырывался, но Регнер держал не хуже чугунных тисков, хотя и без этого Фатлин ощущал невидимые путы. Чувство напомнило давнее: в детстве его высочество сопровождал отца в военных походах, маги волшебством унимали непоседливого ребёнка.

13. Чужой облик

Принц едва касался ступнями земли, удерживаемый бесстрастно-послушным бугаём. От ног Фатлина в непрозрачной даже у берега воде тянулось отражение, рядом маячила фигура лысого, который всеми командовал.

По неуловимому знаку наступила тишина. Не только птицы умолкли, но даже ветер перестал шуршать сухой травой. Лишь пьянящий запах весеннего леса и торфяной воды остался прежним. Человек, стоящий рядом, сипло заговорил. Слова звучали то чётко, то едва различимо. В голове у принца стало пусто и светло, юноша, как замороженный, смотрел перед собой.

Вода зашевелилась, образовала воронку, которая становилась шире, а центр её уходил глубже. Оба отражения удлинялись, закручивались и втягивались внутрь. Вращение становилось всё быстрее. «Что это? – вспыхнула в голове одинокая мысль. – Разве так бывает?» Но вот круговерть замедлилась, отражения вынырнули из глубины и заняли место у ног. Лёгкая рябь тревожила их. Когда вода успокоилась, Фатлин разглядел, что вместо своего отражения видит чужое – этого лысого!

Удар по голове низверг принца во тьму.

Фатлин плыл в непроглядной черноте, блестящие искорки вспыхивали, делая пространство ещё темнее. Сначала звёз-

дочки загорались и гасли по одной или группой, потом собрались в хороводы и змейки, начали танцевать под неслышную мелодию. Фатлин тянулся к ним. Стоит коснуться крошечного огонька, и он станет ярче, осветит ночное небо, где плыл, вернее, летел юноша. Да. Он парил в вышине. Невидимая земля качалась далеко внизу. Это сон. Стоит открыть глаза, как чернота исчезнет. Рядом будут стоять камердинер и верный друг Том. Томеш Ясноглазый. Почему он не взял друга с собой? Томеш не подвёл бы, не допустил того, что произошло. Как? Как это всё получилось?

Фатлин напряг память, голова откликнулась тупой болью. В ушах гудел колокол. Что это? Дождь? Капли редкие и горячие падали на лоб. Юноша с трудом разлепил веки. Небо. Далёкое, синее, с нарисованными медленно плывущими облаками. Тонкие стволы сосен качаются, как ремни колыбели, подвешенной к потолку. Мир перевернут, и кружит, завлекая.

Новая капля упала на лицо. Это не дождь. Фатлин застонал. В ответ раздались знакомые звуки:

– А-э-э... м-мы-ы...

– Дитта? – Юноша приподнялся, запрокинул голову, стараясь разглядеть, на чьих коленях покоился его чугунный затылок. – Ты не ушла?

– Э-а-а...

Тонкая ладонь приятно коснулась лба, сняла боль. Стало легче. Фатлин сел, потом встал на колени. Дитта смотрела на

него наивно-восторженным взором. Выражение простодушного лица умиляло и рождало тихую нежность в душе. Но через мгновение Фатлин забыл обо всём. Он увидел кисти своих рук.

– Что это? Где мои пальцы?

На обеих руках не хватало мизинцев. Как? Ни царапины, ни шва – ровное гладкое ребро ладони, будто и не было никогда пятого пальца на руке. Остальные – длинные, с круглыми обтянутыми истончённой кожей суставами выглядели непривычно. Фатлин ощупал голову, плечи, грудь, ноги – тело незнакомое, чужое. Страшная догадка пронзила всё существо. Юноша бросился к воде. Да. В чёрной глубине, почти касаясь Фатлина ногами, уходя вдаль голым черепом, стоял незнакомец.

Вопль заставил птиц вспорхнуть, откуда-то издалека донёсся лай, закричала кукушка. Фатлин едва удержался, чтобы не шагнуть в жуткую глубину. Оберегающие руки обвили стан, щека Дитты касалась его шеи, к спине чуть ниже лопаток прижались упругие бугорки.

– Дэ-э-э... те-э-э... – Звук её голоса искал в душе Фатлина надежду и лелеял робкий едва живой росток.

Юноша отвёл цепкие руки. Больше всего ему хотелось сейчас прижаться к этому худенькому телу и выплакать внезапное горе, но следовало самому перебороть отчаянье.

– Дитта, ты как узнала меня? Видела, как он это сделал?

Девушка молчала. Рот оставался приоткрытым, глаза

спрашивали, а не отвечали.

– Кто я? Ты знаешь, кто я? – Фатлин подыскивал слова, но сам путался. Дитта вообще не знала, кто он. Впервые увиделись в доме ведьмы, где он лежал без сознания, а когда очнулся, ничего не рассказывал о себе. – Ты не стала поить меня отваром, помнишь? Потом бежала за мной по лесу. Я велел тебе возвращаться домой...

Дитта часто-часто закивала.

– Это не моё тело, видишь?

Она опять кивнула.

Фатлин прижался спиной к ржавому стволу сосны, закрыл ладонями лицо. Вот бы провалиться в ту черноту с блёстками светлячков... Свидетельству немой дурочки никто не поверит. Как доказать, что под носом у стража Огненной пасти с Тассийским принцем проделали запрещённый магический ритуал?

Страдалец упирался в землю ногами, толкал её. В спину врезались сухие обломки веток, шершавость коры. Боль должна что-то исправить – так ему казалось. Фатлин давил и давил на ствол чужим телом, жмурился и впивался в лицо ногтями восьми пальцев. Содрать бы эту дряблую кожу, снять, как маску во время карнавала!

– М-мы-ы... го-у-у... – Глупышка нежно обхватила его запястья и потянула.

Фатлин чувствовал дыхание, слышал призывный запах юного тела. Шевельнулось желание схватить девушку, стис-

нуть в объятиях, но разум высветил жестокую правду: он старик, пусть не душой, но телом – старик!

– Отойди... – простонал. Вывернул руки из её прилипчивых пальцев, схватил плечи с проступающими твёрдыми шишечками, затряс. – Иди домой! Что ты привязалась ко мне? Иди!

Дитта ликующе замычала. Выскользнув, ловко ухватила Фатлина за уродливую руку, потянула. Беспорядочными жёсткими и странными звуками звала за собой, к ведьме.

– Она поможет?

Девушка быстро-быстро кивала и часто моргала.

– Сначала в замок... рассказать отцу...

Дитта не слушала, продолжала тащить Фатлина за собой. Он подчинился.

Тропа, едва заметная, заросшая мягкой, неутоптанной травой, ныряла в ложбинки, взбегала на пригорки, плутала между стволами серыми от болезненной плесени. То и дело приходилось кланяться надменным елям-великаншам, подныривая под их нависающие над тропинкой лапы. Те щетинились серыми ветками, похожими на скелеты из-за осыпавшейся хвои, норовили ткнуть костлявым пальцем в лицо. Чуть поодаль юными фрейлинами толпились тонкие берёзы. Сквозь их чуть припорошенные зелёную кроны подмигивало солнце.

Дитта шла первой, то и дело вытирала рукавом лицо. Полотна паутины сверкали, натянутые поперёк тропы. Сети

ловцов мошек можно смахнуть палкой или рукой, но девушка не замечала их. Вот уже на её сияющих медью волосах распростёрлась фата из прозрачных липких нитей.

Ясный день, весёлый щебет птиц, уютный мох под ногами мог бы поднять настроение, но Фатлин брёл за девушкой, поглощённый угрюмыми мыслями. Дитта лучилась светом и весельем, как перед свадьбой с желанным и влюблённым юношей.

В полдень стало заметно приближение жилья. Тропа превратилась в твёрдую серую ленту с каймой торчащих травинок, которые только вылупились из земли и радовали силой, свежестью, чистотой. Лес посветлел, замшелые деревья почти не попадались.

Дом на знакомой поляне при ярком свете не казался мрачным. Перед крыльцом застыла высокая фигура в тёмном одеянии. Ведьма почуяла гостей издали, вышла встретить. Она ждала паршивку Дитку, которая сбежала ночью, и давешнего парня, но чутьё на сей раз обмануло. За девчонкой шёл невысокий человек с лысой шишковатой головой. Тот, которого она видела в зеркале во время гадания.

– Ты?! – ведьма отшатнулась, непроизвольно взмахнула рукой в попытке отогнать неприятное видение и бросилась к дому.

– А-а-э... гы-ы-ы... – Дитта побежала за ней, но дверь захлопнулась.

– Зачем ты привела его, дура безмозглая? – зло кричала

Нотула. – Идите, откуда пришли!

Фатлин видел, как Дитта стучит кулачками по тёмным шероховатым доскам, воеет и стонет, но не мог прийти ей на помощь. Воздух вокруг стал вязким, плотным. Каждый шаг требовал усилий. Фатлин не плыл даже, а протискивался сквозь колдовскую завесу. Ведьма не пускала непрошеного гостя на крыльцо.

– Не верьте глазам! – закричал Фатлин. – Я не колдун! Он украл мой облик. Помогите!

– Уйди, кто бы ты ни был! – отозвалась Нотула. – Оставь девчонку и проваливай!

– Я – сын короля Юстина, а в замке теперь самозванец. Умоляю, помоги! – Фатлин тяжело дышал, тянулся, преодолевая то небольшое расстояние, которое отделяло его от двери.

Вдруг препятствие исчезло, Фатлин упал навзничь. Едва успел подставить руки, спасая лоб от удара о ступеньку. Дверь распахнулась, в проёме возник силуэт Нотулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.